

Андрей Чернов



НЕЖИЛОЙ
ФОНД

СТИХИ



**Издательство
«Изограф»**



Anders G. G. G.

Андрей Чернов

НЕЖИЛОЙ
ФОНД

СТИХИ

Москва – Санкт-Петербург

2000

ББК 84Р7
Чер 49

Оформление *Александра Анно*
На обложке рисунок *Олега Гроссе*
«Двор на Пречистенке. Три сухих тополя». Начало 80-х

Андрей Чернов

Чер 49 Нежилой фонд. Стихи. — М–СПб.: Изограф, 2000 — 176 с.

ББК 84Р7

*Автор приносит благодарность Сагадату Хабирову,
Эрмее Черекчиди, Елене Дьяковой, Дмитрию Крымову,
Марии Игнатъевой, Андрею Анпилову, Георгию Елину,
Евгению Кондратьевой, Юрию Мархашову, Вадиму Черняку,
Александру Аронову, Анатолию Головкову, Павлу Гутионтову,
Нине Аршакуни, Маргарите Исаевой, Евгению Евсееву,
Сергею Мирову, Николаю Беляку, Марфе Толстой,
Нонне Кицмаршвили и Ольге Коршаковой
за помощь в подготовке и издании этой книги.*

ISBN 5-87113-093-3

© Чернов А., 2000

© Анно А., оформление, 2000

© Издательство «Изограф», 2000



ГОРОДСКИЕ ПОРТРЕТЫ

1972—1981

* * *

От того, сколько ты прстоишь у окна
И просмотришь мне вслед из окна,
Не зависят из будущих бед ни одна,
Из грядущих обид ни одна.

Так зачем же мне знать, грея ветер щекой,
Что к стеклу прижимаясь щекой,
Из-под самых небес ты мне машешь рукой,
Просто машешь и машешь рукой?

1974

СТАРИННАЯ ГРАВЮРА

И. 3.

Соседка соседку с утра призывает к войне:
Та ставни раскрыла, а город так густо заставлен,
Что, если окно распахнуть на одной стороне,
Напротив уже не откинешь до вечера ставен.
Мужлан из предместья волов своих тянет за хвост.
Телега застряла под хохот калек и воровок.
Патруль не рискует усесться в седле в полный рост,
Чтоб в тесную сеть бельевых не попасться веревок.
В морозы здесь душно — течет по фасадам роса,
А в землетрясенья дома дымоходами трутся.
В проулке хромом по карнизу от шпор полоса,
А в башне горбатой со стражником не разминуться.
И только двоим из высоких напротив окон
Не тесно в том граде, не душно в том смраде воловьем:
Она протянула над городом руки, и он
Их держит всю ночь над дымящимся средневековьем.

* * *

Вот лежит он из-за лишней крошки.
Неудачник. Сорванец. Плебей.
Вор подбитый. Серый воробей.
Перья врозь — он ждет прихода кошки.
Форма воробья как раз такая,
Чтобы глубже лечь в моей горсти,
Клюв — чтобы потом сказать: «Пусти!»
Крылья — чтоб ударить, улетаю.

1972

* * *

Ю. Щ.

Наши бедные матери
стелят белые скатерти,
ставят сверху вино
и не смотрят в окно.
А окно не зашторено
и оно не затворено,
и как будто за мной
ходит ветер волной.
Первым дымом прокурены
наши братья нахмурены,
матерей не таятся,
ничего не боятся.
Знают девушки строгие,
что вернутся немногие,
но не знают про то —
кто.

Неужели все будет так,
потому что я вижу так?

1974

* * *

Все грядущие печали
На конце карандаша.
Зрит неизвестные дали
Дальнозоркая душа.

И предчувствуем до срока,
И тревожимся, когда
Понемногу издалека
Приближается беда.

А потом острим за чаем.
(Интуиция — вранье!)
И беды не замечаем
За мгновенье до нее.

1979

КОЛОКОЛЬЧИК С БОНАПАРТОМ

...И столбик с куклой (только медной),
Скрестившей руки на груди,
Такой величественно-бедной,
Что, право, хоть и не гляди...

При треуголке, шпаге, ленте
И непременно сюртуке
Стоит себе на постаменте
Резная ручка на звонке.

Как будто бы и впрямь не зная,
Что стерся взгляд и даже нос,
Что под ногами Дар Валдая,
А не монмартровский откос,

Что можно взять за треуголку
И язычком о купол бить...
А надоест — сослать на полку...
Умели ж предки не любить!

Необходимо у капрала
Отнять полмира. А потом
Необходимо из металла
Соорудить его шутом.

Пусть Бонька позовет Глафиру.
Пусть громче позовет, злодей!
И венценосный чудодей
Гремит на целую квартиру.

КАРТОТЕКА ПУШКИНСКОГО ДОМА

Пристрастие к собственным корням.
А в картотеке свет нерезкий,
И строго на ученых дам
Из рамы смотрит Модзалевский.

Расслаиваю букву «Ч»
При электрической свече.

Здесь век прошедший погребен,
В галантном шкапчике спрессован,
По именам перетасован,
Железный, стал бумажным он.

В благоговейной тишине
Идут чины, мундиры, лица,
Тмутаракани, две столицы...
И вдруг — ...зачем все это мне?

Зачем мне знать, что там, в начале,
Когда не знаю, что в конце?
Не знаю толком об отце,
О маме и о той печали,
Проплывшей на твоём лице?

ТАНЦЫ В ТАРУСЕ

Летних сумерек истома...

Межиров

После сумерек потемки,
Пахнувшие резедой,
Беспросветный зуд поденки
Над умершею водой.

От реки ведут ступени
К Дому отдыха, и там —
Грязный гипс, лихие тени
Да скамейки по углам.

Точно пальцем в ухо давит,
Тычет в нас магнитофон,
Дома бывшего фундамент
В танцплощадку превращен.

Призывают веселиться
Фрески из «Ну, погоди!»
Эти блики, лики, лица,
Лица, Господи прости!

Так пускай, не выцветая,
Как непозабывтый стих,
Ариадны нить живая
Нас с тобой ведет сквозь них.

* * *

Тамбурным не увлекаясь мужским разговором,
Долгим четвертым десятком верст утомлена,
Интеллигентная дама смолит «беломором»,
Смотрит куда-то сквозь «Не прислоняться» она.
Мчится в просторах душа продолжением взгляда,
Вровень составу и вслед за составом кружит.
Спутников не было, а провожатых не надо.
Лишь огонек папироски на стыках дрожит.
Вот и прекрасно. Нет встречи — нет и расставанья.
Жизнь сквозь отдушники тамбура дует в лицо.
Ни берегов не имеет, ни дна, ни названья,
Как проблеснувшее среди болот озерцо.

БЕЗБОЖНЫЙ ПЕРЕУЛОК

За то, что была на другую похожа,
Когда-то, случайно, всего один раз, —
Влюбляются тоже и сходятся тоже,
И даже причины не помнят подчас.
Но там, где гремит переулок Безбожный,
Вдруг вспыхнет, как свет под трамвайной дугой,
Что жизнь была только лишь слепком с возможной,
Похожей на эту, но все же другой.

1977

АТЛАНТЫ

Ал. Ар.

Не ценили они мелочей.
И сложили про то поговорку:
Не бывает великим ручей,
Не тягаться с горою пригорку.

И теснились в убогих домах.
Потому-то, наверно, до дрожи
Привлекал их размер и размах.
И масштаб. И количество тоже.

Торговали на глаз и на вес
Словом друга и телом феллаха.
И катил, укрупняясь, прогресс
На ничтожном колесике страха.

Прогрессивней считается то,
Что способно покрыть остальное.
Десять в десять раз хуже, чем сто.
Одиночество ставим виною.

С малых лет пристрастились к вину
Побрякушек, порока, почета.
И считали великой войну,
Если в трупах сбивались со счета.

Меднокожих ваяли вождей
В белом мраморе, в черном металле.
И во имя глобальных идей
Покоряли и выси, и дали.

А в быту были робки, тихи
И работали денно и ночью.
Впрочем, также, писали стихи.
Им за это платили построчно.

И писали, наверное, так:
— О, Атлант! Ты сравнялся с богами.
Лунный диск держишь ты на плечах,
Диск земной попирая стопами.

И величие с величиной
Перепутав, они осмелели.
И попрали они шар земной,
Не заметив того.
Так ребенок больной
Выпадает в бреду из постели.

Мы спешили к ним, но не успели.

1979

ТАРУССКИЕ ЯБЛОКИ

ЗАГОВОР

I

Слово наливалось светом,
словно яблоко на ветке,
но при этом
становилось
горше,
злее,
зеленей.

Мы ушами искушали
певчих птиц,
мы разрешали
солнцу двигаться над нами,
так ему и говорили
поутру:

ступай себе
над полями
(и над нами),
над ручьями
(и над нами),
над горами
(и над нами),
и над лесом,
и над логом,
и над завтрам!

Мы трепали
языками,
засыпали,
забываясь в ослеплении
первого луча дневного.
Наливалось светом слово.
В полдень яблоки гремели,
как могли,
по скату крыши.

И одно о подоконник
разбивалось.
И другое
расшибалось о скамейку.
Третье бултыхнулось в бочку
и пошло на дно спросонок.
Вынырнет — ну что ж, съедим.

А четвертое втыкалось
в перевернутые грабли
и будило нас. И крестик
ты в траве похоронила.
Не нашла и не сказала
мне об этом. И ребенка
понесла тогда. И тоже
не сказала.
Разве правда,
что любил я не тебя?

II

Этот косогор тарусский —
узкий берег над высокой,
над широкою водой,
эта стереофония
двух соседских танцплощадок,

эта елка, что бросала
тень сырую на участок,
и за то была однажды
приговорена хозяйкой
к медленной стоячей смерти
при посредстве топора.

Мы не плакали — смеялись.
Наливалось солнце светом.
Мы не знали в это лето,
что при яблоневогой кроне
нашей — тоже был положен
черный маленький топор.
А зимой сады померзли.

III

Ночью — ветер, ночь и грозы.
Днем — жара, река и ветер.
Ночью — речи, очи, плечи,
а потом — река и ветер.
А потом и жар, и ветер.
И опять — река и ветер.

IV

Этот трогательный трагик
и изрядный старожил
наш хозяин
поделился
как-то раз соображеньем
о круговращеньи плоти.

Он
в Тарусе
на террасе
говорил нам:

«Эти корни
ни дерьма, ни химикатов
не знавали до сих пор.
Тут над нами есть могила,
в ней лежит Смирнов-Агатов,
знаменитый в прошлом тенор,
а когда-то был погостом
городским
весь косогор».

Помнишь, как ты подавилась
брызнувшим в тот миг наливом?
А хозяйка утешала:
мой хозяин пошутил.

V

Этот яблоневый сад
на костях любви нашей
не прилепится назад,
отлетевший и опавший.
В городе родном, чужом,
по совсем иной причине
выкорчем да сождем.
Дым разведем по кручине.

И московскою тропой
мне по звездам крупной соли
в дворницкой ночи доколе
все свое носить с тобой?

VI

Господи,
ветку за яблоко тянут
ниже и ниже — ближе к земле.
Господи, годы, наверное, встанут

в прахе, в золе,
в страхе, во зле.

Господи,
дай нам еще протянуться,
дай же руке дотянуться, доткнуться
в этом саду, в райском аду,

Господи,
скоро уж дети проснутся,
я их с побывки домой поведу.

VII

Отпускать тебе грехи, —
значит отпускать на волю.
Я тебя не отпускаю.
Я замкну тебя в стихи.

Хорошо ль тебе в строке
хореической живется?
Много ль места остается
в семизначном уголке?

Я замкну тебя одну
навсегда во время оно,
шнур глухого телефона
между веток протяну.

21 декабря 1981

* * *

...И семя свое разбросав по земле,
отправимся дале.
И детям следить за тобою во мгле
в недолгой печали.
Еще не смутился покой на челе.
Прокуренный хлеб зачерствел на столе.
Мы все это знали.

Ты помнишь, душа примеряла судьбу?
(Далекое лето!)
Дыхание матери тает на лбу,
и душно без света.
Но будто бы вдруг пробудили трубу,
и ты, перед сном закусивши губу,
увидел все это.

Зачем мы заранее знаем сюжет,
не ведая цели?
Как будто иных откровений и нет
на самом-то деле?
К чему осознание немислимых лет,
зачем в изголовьи осмысленный свет,
как сон у постели?

ОТТИСК

1979—1984

УГЛОВОЙ ПЕРЕУЛОК

М. Щ.

Переулок заломлен углом. Над столом
Наговорено — не продышаться.
Что ни слово — облом. Повело о былом,
Но и в будущем не продержаться.
С понедельника... Впрочем, сегодня среда...
По часам... Но будильник в починке...
И сличаем, чья толще вина. А беда
Из вины лезет, как из личинки.
«Извини...» — «Извини...» — «Не поставит ли чай?»
«Может, кашу сперва расхлебаем?»
И опять репетируем слово «прощай».
И не врем уже, но подвираем.

* * *

Всего-то уюта —
От часа минута.
Всего-то комфорта —
На кухне конфорка.
Вода кипятится.
Всего-то случится,
Что выпадет блюдцу
Упасть и разбиться.
Всего-то?..
Всего-то тяжелая птица
В карниз постучится.
...Как мягко ты стелешь.
Глядишь непреклонно.
— Чего ты там мелешь?
— Зеленые зерна.

* * *

О. Г.

С популярного издания
У психолога Леви
Утяну в одно касанье
Рифму новую к любви.

Положу полупрозрачный
Лист на пестрый переплет.
Светлый колер стихнет. Мрачный
Сквозь бумагу протечет.

Мы пером его не тронем.
Мы еще в своем уме.
Мы о светлом, о стороннем
Побеседуем в письме.

* * *

Еще ты и не называлась женой
Моей, а тем паче — чужой,

Еще мы ни лучших, ни худших времен
Не знали, ни детских имен,

Еще — впрочем, это почти что уже —
Был куплен пакетик цветного драже,

Разорван, рассыпан по Трубной
Размолвкойю первой, не крупной.

* * *

Г. Е.

В виде света разной густоты
На фотобумаге я и ты.

Слишком быстро, как от никотина,
Пожелтеет оттиск негатива.

Видно, не хватило серебра.
Видно, карточку порвать пора.

Видно то, что мы стоим в обнимку,
Даже это повредило снимку.

Ну а все, что мы потом пойдем,
И сейчас проявлено на нем.

ПРИСТУП

То ли снег за стеклом падал вниз
Мимо глаз, то ли мы возносились, —
Вот и вышла душа на карниз,
И на жести следы растворились.

И покудова тело мое,
Закононое, глухо дышало
И, храня направленье свое,
Ни живо, ни мертво — устояло,

Вся в сомненьях, как будто жена
По дороге из дома чужого,
С кем-то третьим решала она,
Обсуждала, вернуться ли снова.

* * *

Р.

Вселенных черные икринки
висят — которая моя? —
на самой тонкой паутинке,
на самом дне небытия.

Откуда сон? Откуда эта
лучом расчисленная слизь,
музыка темного завета,
твердящая: не промахнись!

И там, и тут белок мерцает,
и набухает теснота,
и та, и эта вызревает,
а выживет — одна из ста.

* * *

Серый, розовый, лиловый
пятьдесят какой-то свет.
Дышит кашею перловой
гладиолусов букет.

Я ребенок. Я счастливчик.
У меня цветущий вид.
— Испеки еще куличик! —
нянька сверху говорит.

Я пеку его, куличик,
я пеку его, пеку...
Перекручен детский лифчик,
пятка где-то на боку.

Оттого и не печется,
что в песочнице печет.
И затем она печется,
что песок ручьем течет.

Он течет да натекает,
подпирает под грибок,
он старуху отмечает,
он меня относит вбок.

И стоять мне на песочных
на непрочных на часах,
строить из песка в песочных
крупноблочных облаках,

там, где цепкая старуха
в сером платье под зонтом
смотрит пристально и сухо
за врученным ей внучком.

РЕЗЧИКОВ ПЕРЕУЛОК

Б. Ш. О.

А посредине тех пятидесятих
И я гулял на тех еще Арбатах.
Отцу по службе вышел перевод,
И вот в полуподвальной коммуналке
Санкт-петербургский выкормыш живет.

В дверном проеме подрастают риски.
Сосу свои московские ириски,
Здороваясь с соседями чужими,
Сместилось что-то в паспортном режиме.
Заходит дядя милиционер,
Но стоптан снег на мартовский манер.

Какие времена вокруг и возле!
Потом пойму и осознаю после
Поленницу в поленовском дворе,
Уложенную, может быть, Глазковым,
А мне четыре, и на той заре
Пока что упиваюсь Михалковым.

Но излученья лирики тех лет —
Еще неназванный, уже нездешний свет.

* * *

В случае главной утопии...

Твардовский

Вылепился — доверяйся же обжигу.
Нет, перетрушу и вместо того —
Ткнушь под крыло ленинградскому дождику
Лбом потереться о струи его.

В случае главной и прочей утопии,
В случае личной и прочей беды
Сквозь те вокзалы, зеркальные копии,
Как в зазеркалье, провалишься ты.

В белую ночь беспричинно ослабиться,
Снова и снова кружить по друзьям,
Там, где слезам еще верят, — обабиться,
В детство вернуться. С грехом пополам.

ПИТЕРСКИЕ СТРОФЫ

Пойдем же вдоль Мойки...

Кушнер

— Айда? — Туда? — Ага, туда,
Не все ж нам на печи
Жевать столичные года,
Тверские калачи.

Я начал: «И...» и тут же ты
Попала в шаг: «...светла!»,
И просияла с высоты
Она из-за угла —

«А-дми-рал-тейская...» — смотри,
Какая глубина!
«...игла» — двусложных две петли,
Кораблик в два крыла.

Куда? О да, туда, к реке,
Где оду треплет ветер,
Где даже в бронзовой руке
Хитрит российский метр.

И гибкости, и воли в нем
Не боле, чем в судьбе,
Эксплуатируя прием,
Он вторит сам себе:

Реминисценция слепа,
Но выдаст медный звон
Александрийского столпа
Классический пеон.

Куда? Вдоль пристани веков
Внимательно сличать
Прямоугольных сквозняков
Чугунную печать.

Куда? На ветреный канал,
Где резвый философ
Псевдоморфозой обозвал
Всех этих львов и псов.

Айда вдоль кушнеровских строф
Сначала, но потом,
Не тратя времени и слов,
Давай же повернем

Там, на сенатском вираже,
Где пляшет под баян
Анри Луи Огюст Леже
Рикар де Монферран.

(Хозяин скажет: «Москвичи —
Недаром москвичи!»
Но, не переча, промолчи,
Мы всё же москвичи!)

Вон у расстриженных оград
До срока вписан в план
Лихой трехмачтовый фрегат,
Дешевый ресторан.

Знать, азия уже и здесь
Цыганкой во плоти

У трапа станет в душу лезть,
Шептать «Позолоти!»

Айда! Мне тоже нужно знать,
Придется ли и впредь
На этой гуще погадать
Да ложечку спереть,

Айда, любимая. Скорей,
Пока не лопнул трос,
И это чудо с якорей
Само не сорвалось,

Покуда Саша с Леной ждут,
И Миша с Леной ждут,
И Вовка с Ленкой здесь живут
И в гости нас зовут,

Покуда и земных-то миль
Негусто за спиной,
Покуда режиссер Мотыль
Хлопочет под стеной,

Возводит струганый чертог.
(А что? Не все ль равно?)
Но подведен уже итог,
И, право, не смешно.

Как заплетается узор,
Хитер и деловит:
Экскурсовода сирым взор
И близорукий вид,

И тот собор,
И тот раствор
Тебя в моей крови,
И тот, с кем я двойным родством
Мгновенный визави...

Пойдем! Пока еще вдвоем,
Коли охота есть —
Пойдем. Узнать ли нам о том,
Что сбудется? Бог весть.

Пойдем не в ногу и не в такт,
Но все-таки пойдем.
А если что-то там не так —
Потом, потом, потом.

1983

ГОЛОДАЙ

Название острова Голодай образовано не от фамилии купца Голидея и не от того, что английские купцы гуляли здесь по праздникам (мнение Столпянского и Ахматовой). В XVIII в. единственное строение на безымянном еще Голодае – чудовищных размеров каторжный острог. Каторжане были сняты с казенного кошта и ежедневно просили милостыню в городе. По Далю «голодай» – голодный, голодающий.

Там, где флаги плескали в гостях
И жирели чухонские чайки,
Через век — кандалы на костях,
Через два — блокадные пайки.

Холлидэй. Холодай. Голодай.
Дрожжи времени сделали дело:
Имя вспенилось и — через край,
А значенье на донце осело.

Выдыхаются даже слова
И целебную силу теряют,
В наших виршах не помнят родства,
В словари из куплетов ныряют.

А любимых твоих имена,
Те, лишённые главного смысла, —
Как в кладовке полсклянки вина:
То ли выдохлось, то ли прокисло.

И звонков избегаем, и встреч,
А при встречах имен избегаем.
И легка разговорная речь.
И бежать за ней — как за трамваем.

* * *

В питерском профессорском семействе
Дочери — каникулы в семестре.
Старшая похожа на Мурзилку,
Ласково потреплет по затылку.

Ужин в честь столичного актера
(Бузотера, вора и невежды).
Младшая посередине спора
Детские свои сощурит вежды.

Старшая... Но стоит ли стараться,
В жизнь чужую проникая вкратце,
Уплывать по тем волнам все дальше
Под улыбку Даши и Наташи?

Далее — влюбленностью заплатим,
Этой монеткой самой легкой,
Но о чем, о ком мы там заплачем,
Поперхнувшись фразою неловкой,

Но зачем сюда мы заходили,
В честь какого кораблекрушенья —
К Даше и Наташе не имеет
Ровно никакого отношенья.

Нуте-с... И гуляй, танцуй от печки
Этой вот профессорской, и дальше
По Торжковской улице, вдоль речки
Черной-черной и под снегом даже.

ХОДАСЕВИЧ

Этот век ему не пара.
Даром, что над мостовой
Встал он на краю бульвара
С непокрытой головой.

Пройдено чистописанье.
Мутная сомкнулась твердь.
Впредь — ловить его дыханье,
Задыхаясь, кашлять впредь.

И в предвестии разлуки
Здесь, на площади Сенной,
Вслед за Блоком комкать руки
Над обугленной строкой.

Ты просей словарь, как просо,
Через сито языка.
Ты вскипай, крутая проза,
В чугулке черновика.

1980

АБИАТОР

Умастив золотым вазелином
Незакрытые части лица,
Авиатор Васильев над Клином
Государство читает с листа.

Точно в сказочке детской над всеми
Он дозорно сидит, высоко
И ветрами сгущенное время
Нарезает на дольки легко.

И как будто прочерчена круто
В параллель горизонту черта,
И хотя пролетела минута,
Мимо уха летят почему-то
Лихолетья, столетья, лета.

Осторожней, поручик Васильев!
Осторожней, кому говорят!
Ну как этой игры не осилив,
Долбанете сейчас аппарат?

Вашей крепкой машине фанерной
Не по крыльям сия синема:
За бортом год 10-й, трехмерный,
Не сходите, поручик, с ума.

Пахнет облако керосином,
А небесные кочки золой,
И не надо пророчеств над Клином
И фантазий над бедной землей.

Ну почудилось... Ты ж не в убытке,
Рекордист, и кумир, и герой —
Точкой в небе, штрихом на открытке,
В юбилейном издании строкой:

Мол, во времени полубылинном
Ровно в три пополудни часа
Русский летчик Васильев над Клином
Видел город, селенья, леса.

1981

ВЫРИЙ

Вырий — рай древних славян.

Выра — село между Лугой и Питером.

Когда над Вырой облака
Удерживал я над тобою,
Не опрокинув их, пока
Не грянули они бедою,
Когда бессилён побороть,
Я продышал всего лишь с ноготь
Зрачок — и ледяную плоть,
Рот ободрав, успел потрогать, —
Увидел не тебя, мой свет,
Но краем, самым краем зренья
Тот край, где почему-то нет
Разъятия и разлученья.

* * *

Страшно снежинке лететь на ладонь.
Страшно ладони к огню прикасаться.
Страшно огню... Но при чем тут огонь?
С третьей же строчки ты стал повторяться.

Фигу в кармане, кулак или горсть
Лепишь из пальцев — слетают метели,
Напоминают: ты гость, просто гость
В собственном доме и в собственном теле.

Что ж на пороге стоять? Переход.
Выдох — еще переход. Не старайся
Выучить, вымучить все наперед.
Дома нам скажут: располагайся.
Передохни. Впереди — переход.

ИЗ АЛЬБОМА

Пашка

«Алло, Гутионтов!..» — «А он на топтушке. Звоните». Звоню. «Он верстается». Перезвонил. «Извините, Он выбежал...» — «Вышел?» — «Нет, шапка на месте...» Звоню. Раз сорок на дню. И сбиваюсь. И снова звоню.

Апрель на носу. И декабрь. Наказанье такое... «В отделе?» — «Внизу. Вы по делу?» — «Да, что-то такое...» Ага, объявился, не зря ж я тебя обругал... «Чего тебе надобно, старче?» — «СТИШОК НАПИСАЛ».

«Большой?» — «Восемь строчек... Впечатан в набухший суглинок...» «Погромче. Здесь автор!» — «...Подтаявший к вечеру лед»... «Донецк вызывает!» — «...Проблема промокших ботинок Опиять перед нами встает...» Гутионтов орет

Сквозь топот печатных машин и печатных машинок, Поверх телетайпов, засылов, «квадратов», «картинок», Чтоб трубку не клал... Послезавтра в газете прочту, Что он отлучился. На пару минут. В Элисту.

Послал же Господь мне приятелей! В мыле и спешке Проходит их век заводной. Позвонить бы Олежке... Он тоже в газетах, поскольку известный поэт. Но нет его дома. И дома-то, в сущности, нет.

«Алло, Гутионтов!..» — «А он на планерке». С галерки Слежу за игрою друзей. И делю их восторги. И фрукты кидаю в помрежа. И режу цветы. И сам не пойму, что б я делал без их суеты?

Нина

Монте-Карло, Монте-Кристо... —
Это ветер в голове,
А пока что интуриста
Нинка водит по Москве.

Третьяковкой и «Березкой»
Этот город знаменит,
Здесь на площади на плоской
Классик бронзовый стоит,

Тут на улочке на узкой
Все, что хочешь для души:
Хочешь — семечки полузгай,
Хочешь — «Барыню» спляши.

Ах, замах у нас вселенский...
Возвращаешься без ног
В переулок Обыденский,
В коммунальный свой чертог.

Есть для пудры умывальник,
Для усталости — халат.
И сама себе начальник,
И отец, и старший брат.

И промокшая, как ветка,
Как под ливнем летний луг,
Образцовая жилетка
Для знакомцев и подруг.

Поостыть бы только нервам,
Продышаться бы душе,
Всю-то жизнь прожить на первом —
Вровень с жизнью — этаже.



* * *

О. Х.

Скверик против шахматного клуба.
Над планетой шахматной доски
Здесь консервативно и неглупо
Молодыми правят старики.
Ты талантлив. Толькоходишь в пору,
Но подсядет мальчик на скамью
И легко тебе предложит фору,
И с трудом ты сделаешь ничью.
Он уйдет в закатанных по икры
Наглых джинсах, в жеваном пальто,
И кольнет тебя впервые, что
Есть же на земле другие игры...
Шашки, скажем, домино, лото.

ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ

И в Оредежи рбскошное пойло...

Рылеев

Выра была третьей почтовой станцией от Петербурга по Минскому тракту. Выриным назвал Белкин своего смотрителя; гусара-похитителя нарек Минским. Знакомство Минского и Дуни происходит в доме, который в начале XIX века, перебираясь в Батово, уступил под станцию полковник Федор Рылеев. (В Дуниной комнатке, надо полагать, и родился будущий декабрист.)

Рядом, в ганнибаловской Суйде, в конце 1798-го вынашивала дитя супруга помещика Сергея Львовича Пушкина. Мальчик появится на свет в мае 1799 г. К этому времени Пушкины уже переедут в Москву.

В первые годы XVIII века отсюда, из любезного сердцу Рождествена, бежит в Италию царевич Алексей. Зато вскоре приезжает и селится на Зарецкой мызе первый архитектор Петербурга Доменико Трезини.

Через век в имении его потомков начнется трагический роман юного флигель-адъютанта с семнадцатилетней красавицей Катей Черновой. Дело закончится самой громкой дуэлью первой четверти XIX века. Но и самая тайная дуэль тех лет произошла, как полагает другой здешний житель, в том же Батове: в мае 1820 года сосланный на юг Пушкин сделает остановку в Выре и вызовет Рылеева на поединок (тот, поверив сплетне Толстого-Американца, видимо, громче других кричал «Правительство сечет наших лучших поэтов!»).

Надо полагать, Пушкин, как обычно, стрелял в воздух. (А если так, то оредежское эхо той истории откликается в «Выстреле».)

Набоков, сочинивший эту версию, так и не узнал, что хранящиеся в моей семье записки композитора Константина Николаевича Чернова (1925 год) подтверждают его гипотезу о батовской дуэли Пушкина с Рылеевым. Черновы, соседи и родня декабриста, не зная причин того поэтического поединка, и через век помнили о самом факте дуэли. Так потомки рылеевских крестьян до сих пор показывают в укромной батовской аллее на берегу Оредежи Пушкинский камень. («Почему Пушкинский?» — «А тут Пушкин сидел».)

И тоже в мае, но уже 1912 года, Кузьма Петров-Водкин сделает карандашный рисунок для картины «Купание красного коня». Натурщик, позировавший художнику, как две капли воды похож на тринадцатилетнего сына вырского помещика Владимира Дмитриевича Набокова. Полоска красного берега за плечом Владимира Владимировича — привет его другим берегам с этих.

I

Выявлено. Выбелено чисто.
 Свежая разломлена тетрадь.
 Здесь, почти в имени декабриста,
 Пристрастишься лето летовать.
 Рассуждать с хозяином о старом,
 Всё искать решительный изъясн
 И листать залистанный недаром
 Некий краеведческий роман.

Мальчик бродит по лугам.
 Холодно его ногам.
 Мальчик все запоминает.
 Мальчик завтра уезжает.
 Лето кончено. Прощай.
 Перерезан каравай.

II

XIX-й, зело болезный,
Уходил дорожкой продувной,
И качалась колыбель над бездной,
По-над пестрой парковой травой.
Но пока спеленутое лето
Лишь коснулось краешка стола.
Имени опального поэта
Млечная черемуха цвела.

Предки жили у реки.
Бунтари. Крепостники.
И не чьи-нибудь — его.
И не чьи-нибудь — твои.
Так-таки и никого
Ты не встретишь у реки?

III

В ту экологическую нишу
Однава потянешь всех своих:
Валентина Дмитриевича, Мишу,
Жору, Пашу, Машу и иных.
Вова с Олей кинутся с порога.
Вова с Леной сядут на порог.
Господи, да как нас было много!
Всех сюда и втиснуть я не смог.

Ах, как странно в двадцать пять
Родину приобретать,
Узнавать в чужом лице
То, что в матери-отце
Ты навеки затвердил,
Да, наверно, позабыл.

IV

Рамкою вину свою оправлю...
(Смех и грех, а вырвалось само.)
К берегам иным письмо отправлю,
То, с нелепым адресом письмо.
И покуда адресата ждали
Мы по эту сторону земли,
Почтари письма не потеряли.
Просто слишком поздно принесли.

По чернильным капиллярам
Черной пастой, белым паром
Переписывай судьбу
Тех, которые в гробу.
Мыслью, мышечным кошмаром —
По чернильным капиллярам.

V

Между тем неканувшее лето
Шло поодаль от твоей судьбы.
Мальчик первых два сложил куплета.
После дождика пошли грибы.
Улыбался бритый император.
Либеральный бант отец вязал.
И почтовой станции диктатор
Трюхал нешедралом на вокзал.

Дух фиалковый, грибной,
Палых листьев перегной
Заглушает двух империй
Бритвенно-свинцовый дух.
Вдохновенных суеверий
Шепоток — тревожит слух:

VI

— Балуйте детей своих побольше,
Балуйте детишек, господа.
Вам не ведать, что там будет дальше —
Красный берег. Быстрая вода.
Толку чуть и в праведном запрете.
Только чуть прикрикнешь — погляди! —
Махаон на ветхом парапете
Крылья свел на бархатной груди.

Ничего ему от нас
И не надобно сейчас.
Бродят тени в бывшем парке.
Захлестнулась нить у Парки.
А повешенный в аллее —
Утра серого белее.

VII

Ну еще какая там провинность?
Что за новый подвиг? Что за страсть?
Или тяжкая необходимость
Динамитом ограничить власть?
Нет, недаром лужские равнины
Насыщает Красногорья ток.
Из-под коренного комья глины,
Красной глины бьют о передок.

Лучше бы совсем не это —
Жить до нового рассвета,
Все запомнить, записать,
детям, внукам рассказать...
Но записано в программе:
«...не мужьями, но мужами!»

VIII

Детский мир пружинных пистолетов,
Оредежи беспокойный ток.
И опять к концу подходит лето.
Ну еще, еще один глоток.
Бабушкино Батово пылает.
Пятипалый лист летит к тебе.
Два глотка, но этого хватает.
В остальном доверимся судьбе.

Наступает старый год.
Мать выходит из ворот.
Может статься — за грибами.
Может статься, что за нами
Мать выходит из ворот.
Наступает старый год.

IX

Заклинать и возвращать былое
Кто тебя подбил, цитатчик, вор?
...Складываю вчетверо и втрое
Мнемозины памятный узор.
Между станцией и магазином,
Как взаправдашний мемуарист,
Потакая танцу Мнемозины,
Закавычиваю этот лист.

1983

ДРУГОЕ ТЕПЛО

1983—1989

* * *

М.

Эта слабая тень в слишком позднем окне
с неуклюжим изломом куда-то вовне,
эта женщина, тонкая не по летам,
это та, что над нами на краешке, там,
та, с которой не спать, разве только что спеть
ти-та-та, та, которую встретил бы впредь
не узнал бы да хмыкнул, и которую тут
вертихвосткой зовут и монашкой зовут,
та, что манит ладошкой, а словно крылом,
чьи грядущие лжи и обиды — в былом.

* * *

Машинист и сам не знает,
Что везет тебя ко мне,
Стрелку к стрелке подбирает
На железном полотне,

Веко к веку прилипает,
Но вот так и на часах
Стрелка к стрелке приникает
От меня в трехстах верстах,

Где лучом единорога
Разделяясь пополам,
Разбегается дорога
По невидимым полям.

* * *

И сердце тобой захлебнется, едва
сомкнутся вскипевшие по роговице
две бездны, и разъединятся слова,
и мир раздвоится.

Куда, раздвоив, ты уводишь меня,
руками укрыв и упрятав под веки,
не в эту ли область слепого огня,
в которой при жизни горят человеки?

И что там за краем желания, за
чертой, до которой вы нас допустили?
«А дальше нельзя, не смотри!» — и глаза
вспотевшей ладошкой на миг заслонили.

* * *

Вёдро. Пустое ведро опрокинуто навзничь.
Донце облуплено. Не остынет и за ночь.

Где мы? В Тмутаракани? Царьграде? Париже?
Для нашей темы можно бы и поближе.

Камни степные белых костей белее.
Вот они — черепки в горсти Водолея.

Лунного клея не хватит соединить их.
Вытекло время в море. Секутся нити.

Так говорю — ты же взглядом уходишь по склонам.
Птица плещется в сини, облачко в море Черном.

И одиноко нам, и солоно одинаково.
Сколько порушено, столько же и наплакано.

август 1985. Херсонес

* * *

Зачем мне этот ключ от дома,
В котором ни дверей, ни стен —
Лишь прошлогодняя солома,
Чужой печали едкий тлен,

Чужой любви непрочный плотик,
Притопленный на полпути...
Один и есть на свете плотник,
Чтоб эти стены возвести,

И то не прежде, чем стенанья
Под крышу возведешь к нему,
И между делом мирозданья
Он осветлит и эту тьму.

* * *

Л. Б.

Веточка вены на левом виске,
Слабая, с временем накоротке,
Тонкая под суховеем ветла,
Светлая, но и под гримом светла,
Словно кому обещалась светить...
Прядью не спрятать, косынкой не скрыть,
Малая речка нездешних полей,
Так и не ставшая жизнью моей.

* * *

Можно ли и пожелать такого —
Рекрутом сквозь годы, как сквозь строй,
Заменяя все-таки другого,
Оставаясь все-таки собой.
В колее обычной бабьей доли
Обретя почти счастливый вид,
На твое унылое «доколе?»
Только улыбнется и смолчит.
И тоску усердием утра,
Утверждать, мол, ничего живем,
В лихачевский томик «Домостроя»,
Как в кровать, ныряя перед сном.

* * *

Д. С. Л.

И снова гарью к потолку
Алхимии алмаз.
Рифмую «Слово о полку»
В четырехстопный раз.

Но все молчат мои князья,
Как перед толмачом.
И отомкнуть их речь нельзя
Ямбическим ключом.

«Ты сам, мы сами по себе,
И твой язык — не наш!»
И тает в грифельной гульбе,
И брызжет карандаш.

Нестройный этот хор един
(Впервые, может быть):
«Что знаешь ты, простолоудин,
Как смеешь ты судить?»

Хотя сдается, что не раз
Все эти речи, все,
И тот, неназванный сейчас,
Слыхал на колесе.

Что ж, в наших силах до конца
Продолжить разговор:
«О, князь, как звать того певца?»
И князь ответит: «Вор».

РАДИЩЕВ

Абраму Терцу

Пироги на поду
Или хрен на меду,
Все равно не пойду
У тебя в поводу.
Надышался я именем синим
По твоим черно-белым пустыням.

О, пылают горé Китежи-миражи,
А в миру мятежи да кнута кутежи.
Поздно прятаться. Негде бояться.
С домочадцами бы попрощаться.

И над всюю страной
 слепоглухонемой
Семиствольной цевницей, стальной тетивой:
— Есть тут кто-то живой?
Ну хоть кто-то живой?
Ну хоть кто-нибудь тоже,
Хоть кто-то ж — живой?

1985

ПАРАД В ВОСЬМИДЕСЯТОМ

М. С. Г.

Терракотовых ласточек вздыбленные хвосты.
Ветеранов ондатровых звезды на заднике данном
Да кирпичная стужа заката — заставы, посты
И грызня, если верить иным непроверенным данным.

Здесь, под сенью стены восходя на гранитный редут,
Через бруствер трибуны в окопной нахохлены думе,
И болтают в низах: пулеметчики их берегут,
Расчертив на квадраты брусчатку, дежурят на ГУМе.

Как они воевали при страхе таком? Ордена
Доставали штыком или чем? И самим непонятно.
В ликованьи бесстрашном под ними проходит страна.
Старикам мавзолейным бесстрашие даже приятно.

От бесплатных больниц до почти что бесплатных бойниц.
От бесплотных докладов и здравниц до масок бесполоых.
Скоро, скоро портреты с фасадов повалятся ниц.
Эта вспышка не выстрел в упор — крематория всполох.

1986—1989

* * *

Не глотнувшие духа и страха того,
не вобравшие грудью уклада стального,
не всосавшие мертвого млека его,
вот за то и хлебнули всего остального.

Манной каши надежд, да косых посошков,
Да простывшей водицы — возможно насколько.
Ох и розов отвар либеральных вершков...
Ох и вяжет язык из кореньев настойка...

Кто там семя бросал, а кто локти кусал?
Из каких кладенцов на цыганке монисто?
Модернист конформисту козу показал,
или где убодал конформист модерниста —

все едино. При деле и тот, и другой.
Крепко колышки вбиты. Такая эпоха,
что и мат на заборе все больше благой,
да и тот не слышней воробьиного вдоха.

* * *

И лес стоял, как неживой...

Галич

Гиря до полу дошла.
Сдохла мышь под половицей.
Выветрится. Не впервой.
Как перед грозой тишь,
или как на той Каяле?
Мстится — как перед грозой.

Улетели или сели
диссиденты. Кроме мата —
все бессмыслица. Как раз
на Кропоткинской в портфеле
обнаружена граната
марки «Ардис». В самом деле?
Жалко, что не «Адидас».

Еле-еле откачали
упыря. В анатомичке
жрал сусятину. Рекомо:
поделом, своих не тронь!

В «Комсомолке» снимок дали:
группа панков, осквернивших
вечный, так сказать, огонь.

Впрочем, пол не подымали.

* * *

Ан. Г.

Перепели песни и во тьму
Переговорили разговоры.
Вот и разошлись по одному
Прожекторы, мальчики, позеры.

Лезли удивленные на свет,
Трепетали на ветвях крылатых:
Ах, листва 60-х лет,
Как летела ты в 70-х!

А когда погасла та звезда,
И померкла, не взойдя, иная, —
Мы вошли за ними, ни стыда,
Ни иллюзий не перенимая.

И хотя стояли на своем —
Прожили свое, да не прожили
И теперь их песенки поем,
Потому что новых не сложили.

* * *

О. Х.

Прагматики, железные мужи,
влекомы выделеньями рассудка,
до неба громоздили этажи,
а после отступили. Чья-то шутка
бетонная о равенстве полов
овладевала публикой на ложе
Прокруста. А поверх живых голов
под вечер брезжили рога и рожи,
которых, впрочем, не было. Дыра
над Атлантидой следствием фреона
была объявлена. Певец добра
и дубнинского синхрофазотрона
пел шепотком влагательное «О!»,
другой по колбасе и пестицидам
с высоты Эн уменя своего
шаршил корневыми. Суицидам
подростков и бездетных матерей
и прочим олимпийским видам спорта —
гип-гип!.. У нарисованных дверей
парламента — здоровая когорта
евреев выявляла. «Новый мир»
открылся мемуаром миротворца,
который поднимал за Третий мир
бокал напалма. Низенького горца
покуда не склоняют...

Вот тот мир,
где нам с тобой еще светило солнце.

1989

РАСПУТИЦА

В. Ч.

Снег шершав и рассветы корявы,
Но уже оскользается взгляд,
Потому что из каждой канавы
Небеса, не мигая, глядят.

Вдвое глубже, и выше, и шире,
Ибо вся отразилась в реке,
Города, что штыки, растопыря,
Ты вот-вот воспаришь налегке

Не мотором стальным дребезжащим,
Не пропеллером — смертным винтом,
Над прошедшим и над настоящим,
Над звездой своей и крестом,

И не тройкой — червонной тачанкой,
Ведь не зря по углам берегла
Эти кровли, пернатые дранкой,
Безъязыкие колокола.

Ну так в путь — над соленой и пресной,
Над слезящейся талой водой,
Поднебесная — станешь небесной,
Золотою утрешься зарей

Над прибрежной строкой краснотала,
Где надежная в пролежнях грязь,
И над всеми, кого ты заспала,
Грузной грудью на грудь навалясь.

В карауле архангельской стражи,
Как живые, склонились они,
А иначе нельзя же, нельзя же,
Потому что последние дни,

Потому что крылатая почта
Раззвонила на все голоса,
Что водою пропитана почва
И текут по земле небеса.

1984

* * *

В горький город горький путь...

Из старой тетради

От нервического тика
Негражданственных свобод
Снится седенький заика,
Аналитик и юрод,

Тот, сухой и большерукий
Всенародно битый тать,
Отлученный от науки
Лжи молчаньем потакать.

Щурится от поворота,
Запределен и нелеп,
И протягивает что-то
Так похожее на хлеб.

А у нас свои печали,
Актуальнее его,
Мы ж себя не расщепляли,
Нам-то каяться с чего?

А у нас в руке синица
Да с повидлом бутерброд.
И чего он только снится,
Колотушкой в сердце бьет?

5 ноября 1989

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Поновили, подмазали, порассуждали,
но все та же и в тех же пространствах нетронутых
узколицей цыганкой на автовокзале
отвернулась и кормит ребят запеленутых.
И все тот же над ней лейтенантик ременчатый
наблюдает да с палочки каплет мороженым,
ну а некто, районной печатью отмеченный,
притворился, что спит на сидении кожаном.
Да и ты, рассуждавший о ней — за колонною,
точно тот живописец самоуверенный,
что вписал себя сбоку в картину хваленую,
а теперь поостыл и глядит как потерянный.
В самом центре российского плоского глобуса
не Икара заоблачного, не паруса —
ждешь, чтоб лед на Оке или стал, или тронулся,
присоседился и ожидаешь «Икаруса»,
обилеченный, в молодость облаченный,
с фотокарточкой сверенный, не обличенный.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬ

Андрей Петрович Трезин,
чего повесил нос?
Зачем ты нелюбезен
и на пиру тверез?

Вольно ль тебе на этих
просторных берегах
да в трехсаженных клетях,
неструганых гробах?

Тепло ль тебе на службе
у батюшки Петра
да в Меншиковой дружбе,
в болоте у костра?

*Земля у нас богата
железом и пенькой.
А если брат на брата,
то каждый брат — герой.*

А если бунт случится,
и вспучится волна,
и море накренится —
твоя ли в том вина?

Домéнико Трезини,
гляди попроще: здесь
в заморском дворянине
всего заметней спесь.

Проныры да придурки
попрыгают в графья —
ногтем по штукатурке
пройдет твоя графья.

Хотя охрип до тех пор,
покуда не прозрел:
российский архитектор
и бессловесно смел.

Одна беда — нелепость,
противная уму:
ты станешь строить крепость,
а выстроишь тюрьму.

Ты выведешь каналы —
венецианский ряд,
но выберет канавы
светлейший казнокрад.

Еще не раз закроют
лепниной и землей,
построенное сроят,
но этот город — твой.

И слава и проклятье
положены Петру,
а ты в голландском платье
незримый на ветру,

дабы в ином колене,
не ведая родства,
с тетрадкой на колене
твой внук слагал слова:

зело небесполезен
среди северных равнин
Андрей Петрович Трезин,
российский гражданин.

1983

ВЛАДИМИРСКАЯ

Прилабунится, ища защиты,
У щеки младенческой щекой,
И иконописные ланиты
Озарятся краскою земной.
Как ты им втолкуешь, бестолковым,
Что и мыслью можно исколоть
Эту плоть, наполненную словом,
Светом замороженную плоть?
Он дитя. И, может быть, не знает,
Для чего пришли, чего хотят.
Но сама его не отстраняет
И сама не опускает взгляд.

1984

* * *

Е. Д.

Едва повернет от Успения к Покрову,
И сердце набухнет от влаги гниющей свирели,
Душа, как больная собака, находит траву
В ближайшем дворе — на помойке ли, на пустыре ли.

Смотри — так и ветви смиряют растительный зуд,
Отторгнув плоды и слагая истасканный ситец,
И горькую сырость созвездий, как соску, сосут.
И это важней, чем дыхание и фотосинтез.

Не плачь, ради Бога, не бойся: все страхи — вранье.
Когда это брезговал он неумытой душою?
Как прачка Мария отбелит, отмолит ее,
Прикроет привычной ладонью по-женски большую.

* * *

Цветных теней земные имена,
их теснота, и тяжесть, и томленье —
как девочка, природа влюблена,
как девочка, и день, как день рожденья —

до края лет. О, сколько этих дней
до края лета — долгих, добрых, милых.
Вот и трава все выше и пышней,
особенно вот эта, на могилах.

* * *

Нету их — и все разрешено.

Самойлов

Когда уйдут и эти,
последние, когда
в провал тысячелетий
затянется вода,

когда сомкнутся краски,
и отслоится крик,
и хрустких строчек связки
слизнет сухой язык,

в двести тысячинедалнем
заштопанном раю
каким таким преданьем
на самом на краю

среди иных разборок
историка рука
обмерит тот огарок —
десятые века?

Столетия антитезы,
чреда великих войн,
стальных машин протезы,
их рев, и вой, и вонь,

трехмерная опока,
заштатные места,
ни пылкого Пророка,
ни кроткого Христа,

а эпигонов масса —
талдычат и мычат,
под красным знаком Марса
и тот, и тот зачат...

И подытожит хмуρο
из своего угла:
— Была литература.
Что толку, что была?

1988

* * *

Соловиного пенья, что сора в прозябшей низине,
невесомых скорлупок не вымести и ветрам.
Верхоглядом над кручей, юнцом постаревшим, разиней
озирая окрестность, читать по слогам

эти прорези жизни — женщины или птицы,
пепелище прощаний, эпохи несграбный сюжет,
тусклый список теней, отпечатанных на роговице...
Чем слабее, тем горше. Чем дальше, тем резче просвет.

1987

* * *

Проси у вечернего неба
Краюху негорького хлеба,
Глоток родникового дня,
Фонарик, чтоб вспомнить меня,

Прощенья, забвенья, лекарства...
И только коня, и полцарства,
И счастья себе не проси.
При них не прожить на Руси.

1989

* * *

Монашествующий в миру,
Как страстотерпец на пиру,
В своем смирении великом
Блазнить не должен постным ликом.

А стихотворствующий тут,
Покорен своему обету,
И перевод сочтет не в труд,
И как награду примет Лету.

БЕЛАЯ ПОЭМА

В тот день была объявлена война.

Ходасевич

1

Стоять, ты наш зелененький, стоять,
стоять, браток... Вот эдак и поймать
себя воспоминанием на стыдном
сюсюканьи, почти совокупленьи
с таким холодным и таким не женским
предметом, дурно пахнущим соляркой.

Застать себя в двух метрах от стены
хрустально-идиотской, в белом прахе
бетона, среди груды мокрых досок,
каких-то арматур. Узреть себя
внутри костра, поскольку отраженье
как чудо в том нетронутом стекле.

Пристрастнее, чем сорок тысяч братьев,
и безнадежней дряблого персека
над телом комсомолки, и скромнее
растлителя Лолиты, и быстрее,
чем в том году (ты помнишь?) получилось
у нас с тобой под дождиком таким же,

теперь под бу-бу-бу-бу Б. Курковой
застать себя оглаживающим
символ совка — так искренно, так нежно —

в толпе, но кто заметит? Столь мгновенно
прикосновение пальцев к телу танка.
Родименький, зелененький, стоять!

2

— Ну да, пройти они по нам пройдут,
но будет склизко...

Перед баррикадой
возник какой-то попик с депутатским
значком на рясе, со своей кастрюлькой
в кульке из прогрессивного издания
и с ложечкою, точно доктор.

— Все
здесь православные? И хором: — Все,
все, батюшка. — Все причащаться будем?
— Все, батюшка. — Вот так сложите длани
и оглашайте имя.

Так-так-так —
кварталах в двух одобрил пулемет.
И потянулись, складывая руки
Андреевским — по очереди — смертным
крестом: Артемий, Александр, Василий,
Аркадий, Айвор, Янис...

Почему-то
тут пулемет заткнулся. — Перекурим! —
скомандовал афганец. И впервые
ему не подчинились.

3

Командир,
ты закури, когда вода стоит
не только что в кроссовках и карманах,
а даже в пачке «Явы». Лишь стальные
пруты покуда отторгали влагу,

и та, змеясь, лоснилась и искрила
в прожекторных клубах и отползала
к невидимой реке. Одни глаза
да кулаки, приросшие к железной
лозе, внутри сухими были. Так
в канун Преображенья на Дунае
змей избивают. Ежели гадюка
семь лет сумеет пролежать под плахой,
она вползет на камень, а сползает
уже драконом. И займется лес,
и льды в горах обуглятся.

— Вниманье,
мы ровно-ровно дышим! — Репродуктор
стебался, но по делу. — Оставаться
всем на местах. Сейчас опять ползут,
они ползут от Пресни.

Белый айсберг
покачивался, быстрорастворимый,
как рафинад в стакане. И у стенки
полковник, по всему южанин, вспомнил,
как брал его отец смотреть на снег.
— Кто был ничем, бывает, и летает, —
и отшатнулся. будто бы ужален —
на, отсоси! — и теми же губами
сведенными: — Не может быть, чтоб Бога
настолько не было.

4

И рассвело
так неправдоподобно быстро, как бывает
лишь в детстве в планетарии. Зрачок
еще не различал цветоделенья.
но был ли в это утро мир цветным.
я не уверен. И на том спасибо.
что он покуда был.

Мутилось небо
московское дождями. Метромост
волок за электричкой электричку
на ту войну, где русские по русским
опять стреляли. (Ох, глядел как в воду
тому лет девять Толик Головков,
арбатский миннезингер.)

Но уже
в своих непыльных фетрах комиссары,
вскрыв сейфы и опрастывая чрево,
склонялись над фаянсовым очком
и как кольцо наотмашь рвали воду,
и старый маршал, слушая куранты,
решался — нембутал или окно?

5

И уходили в день, хотя просили
из репродуктора: не покидайте! —
бестрепетно, почти и без усилия
крест проставляя и на этой дате,

и выходили в ночь во вторник, в среду —
три смены отстояли. И добыли
себе свободу, а вождам победу.
Но тут, как говорится, или—или.

август 1992

СПб, или НЕЖИЛОЙ ФОНД

1987—1997

* * *

...И трижды отступился ученик.
И город от него отрекся дважды.
И сам устами стылыми преник
К источнику неутолимой жажды.

В нечистоте промышленной зимы
Не к небу — к измерению иному
Лиловые и сизые дымы
Летели параллельно окоему.

Рогатилась звезда. Лучил металл,
Распространяя темное свечение.
И даже Петр у райских врат не знал,
Последует ли третье отречение.

* * *

Этому городу будут сродни
Белые ночи, серые дни.

* * *

А. А.

Не город — сопрелая полость,
А в тех раздвижных небесах
Гранитная мышца уперлась
Звезде в раззолоченный пах.

Не город — строка тараканья.
Вот эдак и переведи:
Железо прозябло до камня,
И камень промок до кости.

И архитектура нелепа.
И архитектуры не жаль.
Казенной картонкой совдепа
Предстанет Петрова скрижаль.

Не город, хотя и похоже
Порядком расставленных плит
На город. Не город. Но что же
Так ясно, так стыдно болит?

1988

* * *

Вощеную щеколду опрокинув,
Та осень набухала по садам
Мясистой мимикрией георгинов,
Цветенья уподобивших плодам.

И все же от заката до заката
В предвестьи всероссийских непогод
Здесь в садоводстве мясокомбината
Как счастливы мы были в этот год,

Как счастливы, уже на самой бровке
В скворечне запотевшей в два окна.
Минутный жемчуг бельевой веревки
Был вечен, как Китайская стена.

1989

* * *

В. Н.

Бледный, болотно-озерный модерн,
Предрасположенность к царству русалью,
Слабый побег от общественных скверн
Века, уже провонявшего сталью.
Даром зачитаны Вертер и Стерн.
Маска безмолвия дышит печалью.

Флора прикинулась фауной. В лад
Гибкие ноги разводит лилея
На штукатурке. И кажется, ад —
Это альковное зелье Бердслея
Или Бальмонта разбавленный яд,
Но чем хмельней оно, тем холоднее.

Провинциальный закат сквозь окно
Над Петроградской близ моста Тучкова
Тлеет по Шпенглеру. Знать не дано,
Легче ль воды соловецкое слово,
Вправду ли Китеж уходит на дно,
Стеблем кувшинки связав часового?

* * *

На Васильевский остров, знакомый до слез...

Обласкан и поставлен на довольствие
В 10-й линии близ торжища и храма,
меж динамитной мастерской народовольца
и черной лестницей колючей Мандельштама.

Какая разница — на плитах ли, в трясине
лечь под каблук посадской Эльзы или Марфы
на этих линиях, натянутых Трезини
небрежно наискось на остров — остов арфы?

Сюда приписан. Лишь затем свободен.
По шляпку вбит. Прикрыт брандмауэра шубой.
И улыбается в ветвях варяжский Один
своей языческой улыбочкой безгубой.

МОРСКАЯ, 47

А. М.

Анаграмма Александра,
А притрешься рукавом —
Феникс или Саламандра
На жетоне страховом.

Может, Феникс, может, Сирина,
Это ли не все равно?
Быт размыкан и растырен,
Бытие отменено.

То, что сам железный Феликс,
Бдительный, не доглядел,
Соколиным оком вперясь,
Колупнуть — всего-то дел!

То, что Киров не похерил,
То, что Жданов не дожал...
И кому считать потери,
Если мировой пожар?

И не все ль равно, до сноса
Гнить под номером каким?
В Невке Навуходоносор,
В небе — Осоавиахим.

А глотнув такого духа,
Не подымешься афронт.
В перспективе бляха-муха,
Ленпроект и капремонт.

Для того ли, чтобы Сирин
Продавался на рубли,
Птица Феникс, птица Сирин
Этот дом уберегли?

Этот розовый, который
Лужским пламенем объят.
С банно-прачечной конторой
Здесь живет Управиздат.

А во тьме, под штукатуркой,
Прижимаются тесней
Саламандра — медной шкуркой,
Чудо-птицы, иже с ней.

Мировой пожар доселе
Только их не опалил.
То ли спички отсырели,
То ли ангел оттрубил.

1989

* * *

А. А. С — ку

Господин капитан бомбардирский, косичка торчком,
Только с лошади скок — саданет о скалу каблучком,
И звездами пойдет, как стеклянный, тот камень-гранит,
Или глиной обмякнет, но в точности след сохранит.

Восковая слеза помутится на медной щеке.
Узнавай по глазам свою выделку в каждом щенке.
Чудотворец рыгает и блеет: — У-жо-пощажу!..
Не на дыбу, так на ассамблею для куражу.

Время плеточкой машет и все-то стрижет по низам.
Мимо рта мед да пиво текут у певца по усам.
И не это беда, что не пьян, но как пьяный опух —
Ни руки не поднять, ни смахнуть малахитовых мух.

1990

* * *

М. Я.

И эти пятна по воде,
И кружева речитатива,
И вдаль — пустые, как нигде,
Дремотные ряды залива,
И дождик над Кронштадтом криво
Повисший на одном гвозде —
Вот машинерия Дидло.
Мошенничество на пленэре.
Мы побывали на премьере.
Совок трухую занесло.
Помпеям больше повезло.

Дразнить гусей. Кормить собак.
Да совершить еще оплошку —
Искать на буднях тайный знак,
Водить стволом непонарошку
И наконец глотать морошку
За честь жены, за просто так...
А надо. Или та, с веслом,
Косою да отбитым носом,
Явившись с клумбы за углом,
Интересуется вопросом —
Нашистом или *демороссом*
Ты будешь в фонде нежилом.

1993

РУНЫ БРАТУ

*И душа его свободна,
Потому что занята...*
Берестов

Модель островитянина проста:
разъединя хладные уста,
река под утро припадает к морю.
Душа свободна, ибо занята.
Уже и для нее пробили зорю.

Мосты разъяты. Дальний, как Восток,
все призрачней тот берег. Локоток
заезжей дивы — что с того, что близок?
Соблазн читается, но между строк.
Где тот запретный плод? Один огрызок.

Покачиваясь, что твоя бадья,
из глаз сокрылась юности ладья
и где-то за Кронштадтом затонула.
Внимай, по-детски ужас затая,
словам Сестра, Отечество, Семья —
предвестиям совсем иного гула.

лето 94, В. О.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ ЖИВОПИСЦУ ЗАВЕНУ АРШАКУНИ

*И солнце, вялым перламутром
Плывущее на небеса.*

Крандиевская

I

Поперхнешься воздухом пушистым,
оттолкнешь ладонями окно:
упаси родиться пейзажистом!
Это ремесло обречено,

если вопреки пределу зренья
укрупняет самый крупный план
целый таз вишневого варенья,
с кручи опрокинутый в туман.

Надо быть любителем отпетым,
чтобы в простоте возревновать —
то, что было воздухом и светом,
словом или цветом называть.

II

Особенно когда зеленого в избытке
над заводью в тени... И тянет, тянет так,
что стоит разогнуть заглотишь этой пытки —
душа сойдет с крючка и канет в облаках.

А все же длится для — запоминанья, что ли? —
купание громов и мальчиковый стыд:
чего он там торчит, как военрук при школе,
опережением того, что предстоит?

Особенно шатры и шпицеры проспекта
в сошествии огня среди рыхлых воздушей —
естественный урон нетронутого лета,
свивание завес из зданий и снастей.

И то, и то, и то, что с мясом выдирает
невесть чего клочок и метит без следа —
дарит исподтишка да втихаря спасает,
особенно когда, особенно когда.

III

Портрет жены художника
в небесно-голубом:
в одном окне Остоженка,
да Лиговка в другом.

Два города, два чайника,
конфорки включены —
портрет любви печальника,
почти и не жены,

а те, которым завидно,
сходили б за него!..

Портрет семьи хозяина
себя не самого,

влекомого, ведомого
по ниточке ножа,
портрет судьбы бездомного
домашнего бомжа.

Портрет жены художника —
почти автопортрет.
Венок из подорожника
сплетен, да не надет.

1987—1989

10 ФЕВРАЛЯ

Пасхальная облуплена эмаль.
Подслеповатый циферблат острижен.
И только арапчонок на запятках
чернильницы — свой смуглый тычет кукиш
отважно отвернувшейся кликуше
в обтянутые крепом ягодицы
и нам с тобой моргает: «Nota bene!
А, кстати, стол стоял совсем не здесь!»
Бьет луч из-за портьеры. «Солнце русской
поэзии... — храмовница в экстазе
совокупляет звуки, — закатилось!
Ап-х-чи!..» И ты смеешься. Арапчонок
невозмутим, но удовлетворен.
Дымится день. Плывет дерьмо в Обводном.
Торжественно искрит толченный мрамор.
Сипит оленинграженный расстрига:
— Одних вертушек сорок тысяч, да-с!
В Немецкой церкви ангелы слетают
На головы купальщиков. Мышата
Кота хоронят позади Сенатской,
И шесть часов до «600 секунд».

1990

* * *

Стальной щетиною сверкая...

Пушкин

Законы были справедливы:
Не смей с подноса тырить сливы,
Употреблять паллиативы
И нюниться, когда вольют.
У нас и праздники — что надо:
Вон в мае даже два парада
И всенародная услада —
В зенит исторгнутый салют.

Зато и ценят иностранцы
Народов наших обниманцы,
То темпераментное оп-па,
То с саблями Хачатурян.
Цени, пока мы по гражданке,
А как на площадь влезут танки —
Сожметесь, как селедки в банке
(Показывают крупный план).

И содрогнутся миллионы
Пред телевизором скобленной
Стальной щетиной багровея,
Когда с трибуны атташе
Фотографирует ракету.
Чудак, на ней оснастки нету.
А номер с ба-а-льшим намеком:
«Шесть-пять-четыре-три-два-ноль».

июль 1994

* * *

О. П.

Лютеранке в православном храме
И перекреститься не грешно.
Питерские кирхи под замками
Или приспособлены давно.

Но кому-то ж надо и в блокаду
По-немецки Господа просить,
А потом бежать по Ленинграду
Русским буквам правнучку учить.

Затерялась. Соблюла приличья,
Выжила на смертной полосе.
Ни двуличия, ни двуязычья.
Маленькая, выглядит, как все.

Фатер унзер, это не из спеси,
Это из непрожитых веков.
Стены твердокаменных конфессий
Ниже ленинградских облаков.

ИЗ АЛЬБОМА

Парижанка

Тетка Мавра ювелир, а не юбиляр.
Ей в таможду и в ОВИР выручать товар,
Ей прилично, как в тюрьму, и в ЦК, и в шоп.
Утверждает: «Всех уйму!.. Понимали чтоб».

Тетка Мавра — нос торчком, хоть и не велик,
В бок упрется кулачком — плакать не велит.
Скажет: «Мать твою етить, не перекопать!
Нас должно еще хватить лет на двадцать пять!»

По бульвару колобком с ветерком катит.
Ветер, как за свитерком девичьим, летит.
Отражается в стекле: «Догоняй, Андрей!»
На своих ли, на метле — все простится ей.

**Прогулка по Невскому
с Валентином Берестовым**

Такой московский — грузен и небрит,
Вдруг просиял и явно не по теме:
— Вон питерская рифма, — говорит, —
Пельмени-Мельпомене.

Ремонт в пельменной. В драме перерыв.
И самозванцем выглядит философ,
Что, лирику дидактикой смирив,
Юродствует заради парадоксов.

Се хохотун. Неправильный герой
Из детства, из придавленного действия.
Но я-то видел, как при нем иголкой
На караул берет Адмиралтейство.

1990



* * *

Н. Б.

В соединеньи неба и дольней вонь,
Дельвига и Достоевского супротиву
Желтый кристалл Владимирской колокольни
Все ж преломляя Литейную перспективу.

Запомяй же, покуда и сам не убыл,
Спрятав и это на донце своей кубышки,
В гипсовой раме с видом на пятый угол,
В панцире записном телефонной книжки.

НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

В. В.

Как ты справишься с этой безносой
Там, на Пулковской полой горе,
Красной вербой да ивой белесой
Восходящей к вечерней заре,

И у самого серого моря,
Где асфальтом продолжено дно,
И такое же, как на горе,
Небо пеплом соединено

Выше мрамора крашенных бревен,
С Монферрановым куполом вровень,
На крутом перегибе веков,

В ленинградском твоём захолустье,
Где младенцев искали в капусте,
Хоронили — поверх облаков.

июль 1991

S.-Pb

*Реставратору А. Д.,
возвращая ему его же наблюдение:
S.-Pb равно S (sulfur — сера)
плюс Pb (plumbum — свинец)*

Ну вот нам и открылась наконец
Имперская алхимия латыни:
Сульфур и плюмбум — сера и свинец.
А Парадиза нету и в помине.

ВИТАМИН «С»

Н. Т.

Тот век, не дотянувший до седин,
Покончивший с собой братоубийством,
Серебряный, разрозненный, в торгсин
Свезенный на рысях соцреалистом,
На чердаке, в полуподвале мглистом
Еще глотал миндаль и керосин.

И я застал его былых бойцов
Рассеянных — туги и худоухи,
Из племени адептов и чтецов,
Надгробьями блокад и голодухи
Два старика да полторы старухи
Хранили жар великих мертвецов.

Здоровая, купеческая кровь...
Бежали пролетарского нагана
И бровь, каких не делают, и брошь
На самом горле. Ветхое сопрано,
Махоркой приперченная любовь,
А на устах Марина или Анна.

В семидесятых, веку вопреки,
Столь археологически культурны.
Они легко вставали на котурны,
Как некогда на Чистых на коньки.
Их речи были вязки и сумбурны.

В отличие от именитых, тех
Из Переделкина да Комарова,
Без всяких притязаний на успех
В янтарь законсервировали слово,
Не повзрослев и не сменивши век.

И я стучался — чуткий, точно тать.
О, это как чесотка, как проказа —
Истлевшими программками шуршать,
Вкушать вино, незримое для глаза.
Что за сюжет — подробности рассказа?
Я приходил не слушать, а дышать.

Но с невинной миной на лице
Мог объявиться вновь, спустя полгода,
Где чайным ядом витамина «С»
Лимон на блюдце высыхал. Погода
Не поменялась. Явная свобода
Зияла крематорием в конце.

И всё, что не добрал при всех своих
Наставниках и что сквозило в этих
Полублагих, полубезумных детях
Ясней, чем в современниках твоих, —
Отмерило тебя от сих до сих.
И кануло. И затерялось в нетях.

1991

* * *

Т. Т.

Пока струились вертикали
Живыми призраками дня,
И воздуха перетекали
Между копытами коня,

Картонный и, конечно, волглый,
Проспект, прочерченный углем,
Хотя внизу вонял карболкой —
Оканчивался кораблем.

И так державно, так по-царски
Сияли буквы **Л,Е,Н,И,Н,Г,Р,А,Д.**
А выше — огненные цапки
Нетленных, в сущности, громад.

* * *

К Велесу за море...

Средневековая поговорка

Ни берега, ни паруса, ни облака,
Соленая пучина, как прореха
Безмолвия, вне времени и облика,
Поскольку в море не бывает эха.

1997

* * *

Море схлынуло. Куда ж еще нам
плыть, когда ползти не вмоготу?
Жабры рифм топорща учащенно,
обречем себя на немоту.

И заснем, как засыпают рыбы,
как заведено для нас, для рыб:
из-под той, такой текучей глыбы
сами убежать мы не смогли б.

Та вода — она была опорой.
Ржавая — поила плавники.
И пускай уродец кистеперый
Огласит прибрежные пески.

середина 90-х

СЕРЕБРЯНОЕ СЕЧЕНИЕ

А когда наступила расплата
За последнюю склянку чернил,
Мерный ангел живого квадрата
Сверху перышко уронил.

И пока оно с неба летело
Легче снега и снегом легло,
Что-то давнее отболело,
Вместе с талой водой изошло.

Только вечность нам сроки назначит
И глаза оботрет рукавом,
И над мертвым квадратом заплачет
Мерный ангел в квадрате живом,

В недосыпе семейной могилы
Загорится звезда в потолке,
Напрягая последние силы,
Мы потянемся к Верхней реке,

Где гоня ненасытную гостью
За черту на последний правож,
Мерный ангел с серебряной тростью
Бережет изначальный чертеж.

СТИХИ К ОЛЬГЕ

май 2000

* * *

Ничего еще не решено.
В сумраке серебряном над нами
Крутится судеб веретено.
Ангелы качают головами.

Моему с твоим поводырем
Надо объясниться нелукаво.
Смотрят: оборвем, не оборвем?
И вмешаться не имеют права.

Тишина межзвездная густа.
Пахнет вечность книжным переплетом
И колышет детские уста
И молитвою, и устным счетом.

* * *

А ты — письмо из юности моей,
Дошедшее без адреса и марки,
И только почерк тверже и смелей,
И слог ребячлив, и чернила ярки,
Все набело, и ни одной помарки,
А прочитать — не хватит жизни всей.

* * *

Опереться о воздух локтями
И, повиснув над собственным сном,
Полететь над домами, дымами,
Над отцом, что в кладбищенской яме
Видит сны в измереньи ином.

Что ему до вороньего грая
В тех краях, где ни весен, ни зим?
У ограды ваганьковской с краю
Он не знает, что я проезжаю
На метро дважды в будни под ним.

От прошедшей расплакаться боли,
От забытого вспыхнуть стыда,
Направляя усилием воли
Беспричинный полет в никуда.

БЕЛОЕ ДЕЛО

Еще одна битва проиграна.
Равняют бульдозером рвы.
Портреты приятеля-ирода
В провинцию шлют из Москвы.

Какой-то строкою оплатится
Из чьих-то, из будущих книг
Крыло, или краешек платица —
Виденья последнего миг.

2 мая. Парад планет

СЕВЕРЯК

...Пришедшу ми въ Ладогу, поведоша ми ладожане, яко сде есть: егда будет туча велика, находять дети наши глазки стекляныи и малыи, и великыи, провертаны, а другыя подле Волховъ берутъ, еже выполоскываетъ вода. Отъ нихъ же възьхъ боле ста, суть же различь.

Нестор. 1114 год

...Глядючи в небо, дракона сразит.

Леонович

Последнею весной тысячелетья,
Опасно-ранней, ненасытно долгой,
Наполненной серебряным урчаньем
За Ладогу отползших ледников,
В начале мая около полудня
Пришел ко мне паромщик Коля Кузин,
Принес в кармане бусину, стекляшку,
Подобранную им у переправы,
И долго мялся, и пыхтел по-детски.

Мне не хотелось пить. Не то, чтоб с Колей,
А просто не хотелось. Я сказал,
Что сам в завязке. Он ушел, находка

В развернутой тряпице, как в пеленке,
Так и осталась на столе — укором
Или подарком. (Кто их разберет,
Потомков викингов да здешней чуди?)
Я положил стекляшку на ладонь.
Сквозь патину просвечивала вечность.

Я вышел вслед паромщику на Волхов.
От Новой Ладogi дул Северяк.
Река была сиреневой, а небо
Двойным, прозрачным. Я зашел в музей,
Взял ключ от храма, и уже у двери
Услышал вой зверья и птичье пенье.
Гремел орган... Откуда там орган?
Подростки?.. Храм был заперт. Я не сразу
Попал ключом в замок. И все затихло.

Все было, как всегда. Святой Георгий,
Щитом прикрывшись, ехал без копья
С оранжевым флажком и знал, что зло
Непобедимо сталью. Под конем
Чернела сопка вещего Олега,
И Велеса-дракона от реки
Вела на поясочке Елисава.
Но тут опять завыло и запело,
И стало ясно: это просто ветер.

И стало пусто, будто бы вот так
Лишили не иллюзии, а смысла
Настолько, что и в кулаке моем —
Не аленький цветочек, привезенный
Из жарких стран — Индийских ли, Персидских,
Не тот гранат из четок пилигрима,
Змеевиком процветший изнутри,
А зернышко граната из сельпо,
Забрызганное прозеленью тлена.

Но если так — тогда, ответь, зачем
И Ладога, и перевозчик Коля,
И сын его, которого забрал
На переправе ненасытный Велес?
И зернышко оброненное это?
И, может быть, мне только показалось,
Что в миг, когда рыдали оба хора,
Георгий отделился от стены,
Возликовав непоновленным ликом?

6—17 мая

ДЕКАБРИСТ

У Сената намерзнешься, не атакуя,
И пожалте — от Нерчинска до Акагуя,
Где прикрытый тобою Леонтьишко Дубельт
Циркуляром по темечку приголубит.

Собирайся, свободы рассеянной паства,
И кедровник валить и крепить государство,
И шептать-поминать, мол, Россия-Расея —
Всё зелёнка от Терека до Енисея.

По грибам да орехам, грехам да огрехам,
Век железно проехал по собственным вехам.
Ах, когда-нибудь мы это дело отметим.
Ну, пускай не в Двадцатом, пускай в Двадцать третьем.

* * *

Только и успело, что начаться,
А уже — пожалуйста прощаться.
На дорожку — только и всего! —
Колокольчик смеха твоего,
Краткое прикосновенье взгляда
Да щеки младенческой прохлада.
И голубкой белой в облака
Легкое, как перышко, — пока!

13 июня

* * *

Паришь ангелочком фарфоровым,
Обиженной букой глядишь,
Стращаешь недевичьим норовом,
Воробышек, мамин глупыш.

И ежеминутно прощаешься,
Когда остаемся вдвоем,
И в сердце моем не вмещаешься,
А все разрастаешься в нем.

ГАРДАРИКА

1995—1997

Памяти археолога Анны Мачинской

«Gardariki» (Страна Острогов) — так викинги называли будущую Россию.

Основанный в 753 году город Ладога (ныне Старая Ладога, поселок близ впадения Волхова в Ладожское озеро) — древний пра-Петербург, первая столица Северной Руси и мать Новгорода. Дату основания Ладоги по дендрохронологии установил в середине 1970-х петербургский археолог Евгений Рябинин.

Скандинавы звали Ладогу Альдейгья или Альдейгьуборг. Название города пошло от финского «Алоде-йогге» (Нижняя река, то бишь Волхов ниже порогов). Именно город Ладога дал имя Ладожскому озеру.

Сюда в 862 году пришел вместе со «всею русью» Рюрик.

Отсюда начинается объединение Северной и Южной Руси.

По Новгородским и Устюжским летописям в Ладоге в 912 году Вещий Олег гибнет от укуса змеи. Его смерть совпала с появлением на небе кометы Галлея, которая в середине лета висела, как утверждают летописцы, «копейным образом», то есть в виде наконечника копья или стрелы. Вероятно, поэтому средневековые скандинавские саги, пересказывая предание о Вещем Олеге, дают ему имя Орвар Одд (Наконечник Стрелы).

Олегова могила — огромная сопка на берегу Волхова близ деревни Велеш. Здесь когда-то было святилище Велеса, змееподобного бога Нижнего мира. До того, как святой Георгий победил его в сознании ладожан, Велесу приносили человеческие жертвоприношения.

* * *

Д. С. Л.

Когда на волховских низинах
Прошелестит и ткнется в бок
Стрела на крыльях стрекозиных,
Как между ребер, между строк,

И, сапожком примяв полову,
Самой судьбы не убоясь,
Сухую кость, главу коневу,
Облобызать захочет князь,

И позже, позже, в Петербурге,
Тысячелетие спустя, —
Чего ты медлишь, храбрый Гюрги,
Невозмутимое дитя?

Или слова твои лукавы,
Неблагодатна благодать,
И с пояска у Елисавы
Твой змей сумел-таки сбежать,

Или копье язвящей речи
Душипным жалом заменя,
И ты в рутине долгой сечи
Обвык в объятиях огня?

1995

СТАНСЫ ГАРДАРИКЕ

Д. М.

Чтоб на куньих мехах с боку на бок
Вы своих ублажали арабок,
Мы завтра уходим в Алаборг,
Хоть и хмель не обсох на усах.
Плещет бисер в тугих туесах.

У норманна полдюжины родин,
Но не сдюжит в Гардарике Один,
Видишь путь — ну почти что свободен
От Велеши до самых Перынь.
Поостынь.

Как прожить веселей и обильней,
Не решить вечевой говорильней,
Обустроились стекловарильней,
Бабьей радости хватит на всех.
Мех за бисер. Монету на мех.

В небесах то дирхем, то динарий,
А в лесах предостаточно тварей,
И купцы из обеих Болгарий
Звонко платят разменной луной,
Исходя серебром, как слюной.

Пусть находник дощатым драккаром,
Как драконом взовьется пожаром,
В этих стенах и камень недаром.
С них на доблесть твою наплевать.
Хочешь драться — умей торговать.

Загребай веселее налево,
Улыбайся хольмгардская дева,
Поторгуйся без спешки и гнева,
Полотно подпирая сосцом.
Не побрезгуй словенским самцом
На побережии озера Нево.

1996

* * *

М. К.

Каменное прясло на приспе.
Полумрак воротной башни.
Закомары в ледяной крупе
По-музейному позавчерашни.
Подлинник не то чтоб надоел,
Но у дел покуда новодел.

Все равно — шепчи или кричи,
Розово-бесстыжи над раскопом
Силикатной пробы кирпичи
Кажут гузно всем твоим европам,
И надежно замыкает взгляд
Алюминиевый комбинат.

Как сказал один тут: на фига
Красота, когда повсюду янки?
Дожем последнего сига,
Сцеживая «хольстен» из жестянки.
Только былие шмонает ветр.
Здесь теперь 101-й километр.

Некогда великая страна,
Ты беззубо поджимаешь губы.
В церкви серебрится бузина.
Киснут и ползут сырые срубы.
И Пилат с Вараввой заодно
Крутят колумбийское кино.

Вот и Рюрик дуриком забрел
Из своей Ютландии. Чего там
Наплели послы про злат-престол?
Восседали б сами по болотам!..
Господи, помилуй и спаси
Первую любовь Всея Руси.

В немощи покинутая мать
Первых градов — Китежа и Киева,
Ладога, зачем мне поминать
Вервие твое и время Виево?
Тесноту двенадцати веков,
Москвичей, потом большевиков.

Битой сукой, жмущейся к ноге,
Вскормишь снадобьем своей же печени
Прясла на яйце и твороге
Да культурный слой на человечине.
Ни принять, ни тронуть не могу.
А не пожелаю и врагу.

* * *

Е. А. Р.

Двенадцати веков вороньи ризы,
Черты и резы Ноевых колен.
Норманны, фряги, русы, финны, фризы,
Базар хазар на торжищах словен —

Се Вавилон отеческих глаголов,
До всяких там из тартара монголов
Находник свей, негодник печенег.
Студеный пепел — воспаленный снег.

Вот, собственно, где выпало родиться
И выпадет — как пить дать! — почвой лечь,
Перемешав золу, и кровь, и речь,
Полой кургана, как плащом укрыться,

Зеленым, рыхлым, волховским плащом.
И Гоголя шинель тут ни при чем.

ЕЛИСАВА И ЗМЕЙ

I

Лет через тыщу брести у реки,
Вывозив голени в иле,
Там, где мальчишки искали «глазки»
И летописца дивили,

Там, где и ныне, смущая народ,
Слева направо
Чудище на поясочке ведет
Дэвица Елисава.

Сладок вечерней размолвки медок.
Тронешь — под куколем свянешь.
— Слышь, Елисавушка, брось поводок,
Змейкой серебряной станешь.

Станешь хозяйкой последнего дня,
Сродницей Первопричины,
Девственным эхом в глазницах коня
В черепе с черной Княщины.

— Ишь, расшипелся, рогатенький мой!..
Аль помирать неохота?
И, как домашней скотинке «Домой!»
Дланью — пожалте в ворота!

II

Что нам сегодня намает река
Вместо условленной встречи?
Легкое грузило рыбака?
Ядрышко свейской картечи?

Заклепку драккара? Осколок «глазка»?
Баночку из-под колы?
В толще столетий под толщей песка
Множатся времени сколы.

Рожками крутит расстриженный бог:
Вот тебе Рубиков кубик.
Рюриков кубок на тризне эпох.
Ссохшийся Рерихов тюбик.

ПРОРИЦАНИЕ ОРВАРУ ОДДУ

М. В.

Не ворону битвы, не даже двушипной змее —
Достанешься в Заморье, вещий, Хозяину брода.
На Млечной реке по еловой взойдет кисее
Копейное знаменье конунга Орвара Одда.

Ладьи на колесах — я вижу — идут на Царьград.
Я слышу кряхтенье руси, подпирающей днища.
— Се Дмитрий Солунский! — враги про тебя говорят.
Но примешь ты яд. И отравлена будет не пища.

Четыре хвоста у кометы, четыре крыла.
Невенчанный лоб ненаследной лоснится короной.
Но дивная мета в алмазах — в полнеба стрела,
На что тебе, князь, если кружишь дозорной вороной

На собственной тризне. Роскошная сага совет.
Забудется имя. Каленое жало возложат
На хладное лоно. Ты — Одд. Ибо все наперед
Открыто тебе. Но тебе это вряд ли поможет.

Ты — бред геральдиста, эскиз на кабаньем ребре,
Ты сторож излуки, смотрящий из-под небосклона
На храм византийский, что встанет на том вот бугре,
На мальчика, что без копья одолеет дракона.

Тебе суждено умереть от коня своего.
Отдай его Велесу, но через тридцать три лета,
Как станешь стареть, если глянешь в глазницы его
И выдержишь взгляд — пересилишь пророчество это.

АМУЛЕТ

Е. Р — ой

Прозрачна ночь, хотя и окаянна.
По сопкам спят сигнальные дымы.
Глядит с улыбкою вещунья Несмеяна
Альдейгьюборга ладожные сны,

Но как в курган воткнется ночи ножик,
Росой студеной отряса сонь,
Серебряный конек-единорожек
Толкнется в твою утлую ладонь.

ПОБЕДИЦЕ

И. В.

На кургане, на вольном дивинце,
Парусит полотно на девице,
К Победищу подходит ладья.
Вот чуть-чуть и окликнут: — Моя!

Чур моя! — и ревнуя к Стрибогу —
А не лап! — да в уключину ногу,
Точно в стремя под смех остальных.
Кто-то дружка, а кто и жених.

Но в лодейке не слышно ни смеха.
Кормщик в воду глядит, неумеха.
Смотрят в низкое небо гребцы —
Ни в мужа не хотят, ни в отцы.

И тверды их персты, как коренья.
И чужое в горсти оперенье.

МЕСТЬ ОЛЬГИ

Т. Р.

Четвертый день волнуются концы,
Перемывая весточки вчерашни,
До света новгородские купцы
Шептались с княжичем в Тайничной башне,

Волхвы кидали в Волхов «нечет-чѣт»),
Смущая гридней темными речами:
Княгиня на Купалу сватов ждет.
Зарезан Игорь, аки волк в овчарне.

Чернее тучи юный Святослав.
Все на людей без повода ярится.
Болтают, Ольга, сына отослав,
Сама не смеет в Ладогу явиться.

И лишь Олегов конюх Крутояр
По-ладожански цыкнет на бояр.
И плюнет. И полезет на полати.
Еще не время рати собирать.

УРОЧИЩЕ ПЛАКУН

Н. М.

Тишина над Волховом обвисла
Пеленой туманов и снастей.
Это замышленье Гостомысла
Намывает в Ладугу гостей.

Ливень брызнет молнии короче,
Но всю ночь и многие века
На песочек Одиновы очи
Станет выполаскивать река.

Русской беллетристики инвестор,
Чуя древность и являя вкус,
Увезет замороженный Нестор
Глазчатую жменю этих бус.

Чье трепещет в парусе рыданье?
Кто волной играет в «чёт-нечёт»?
Как вода во облацех преданье:
Тронешь — и она не потечет.

* * *

Альдейгия — страна невелика.
Алоде-йоги — Нижняя река,
Где Ладожка вливается в Заклюку
И Волхов различается по звуку,
Где шли на нерест лóдуга и сиг,
Где прожил я счастливый самый миг.

РУНЫ СЫНУ

Где времена свивались плетью,
Где две реки впадали в третью,
Где властвовала Ингигерд,
Где был свободен даже смерд,

Где Фрея тише, чем рабыня,
Где славно погулял Добрыня,
Где сочинили сгоряча
Обряд крещения меча,

Сказав «Не в силе Бог, а в правде»,
И где на фреске Бога ради
Негромким словом усмирен
Козленочком глядит дракон

Аленушкин, — в Альдейгьюборге
На Городище Земляном
Мои печали и восторги
Запей, каким пошлют, вином
В тысячелетии ином.

1997

**МОНОЛОГ ЗМЕЯ
СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА**

*Сколь упрощенно мыслят эти люди,
Когда идут сюда свергать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены — все беды в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее.
Ну, выбейте меня из-под коня.
И рухнет конь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомек, что так же, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет все это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделает вид, что топчет змея,
А сам — не сам, но лошадью своею —
И в этом государственная мудрость! —
Оперся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня...*

декабрь 1975

ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ

ПОЭМА

тошно так —

Пушкин. Проба пера.

Тетрадь ПД 838, лист 75

(по жандармской пагинации)

I

А чтобы не забыть — поверх могилы
стихи про голодаевский бордель
и фельдшера вульгарная латынь —
рецепт от гонореи. Будто знал,
что будут рыть в бумагах, а еще
пошлют на экспертизу. Академик,
латыш, светило красной медицины,
даст заключение, де не устарел,
но доза не указана. Засим
10 ему провизор выставит брезгливо
копайского бальзама, алкоголя
в растворе померанцевой воды
ноль-три, ноль-пять, ноль-девяносто пять,
глотать, поскольку стыдно запускать.
Болезнь не стыдно — запускать нельзя.

Сначала станут уставать друзья:
ну что, нашел? И с видом идиота:
ага. А что? Лекарство от болезни.
А кости? кости?.. Я копал архивы.
20 Потом забор некрашенный, две ивы
и ветхий домик... А еще сличить
с другой страницей тот же самый профиль
скалы на берегу варяжских волн,

вертлявый челн... Нас тоже было много,
не меньше, чем на площади у них,
а что осталось? Этот в референты,
тот за бугор (ни жизни, ни легенды),
а я в архив, и двери на запор.

Итак — Россия. Лета. Литорея.
30 Зачем за шторкой синий Мандельштам
косит на Вересаева? Бодрее
карабкаемся к самой кромке, там,
где образец, одушевленный в школе,
расстрижен ради красного словца,
и в красных пятнах проступившей соли
на фраке, на кирасе, на камзоле
чуть золотится прошлого пыльца.

40 Что стоит *Гений в жизни?*.. Три червонца.
А в супере?.. Придется поискать
в книгообмене... А нельзя ль занять
того знакомца вашего, японца?..
В торгсине? Неудобно, н-да... А в лавке
у Киры Викторовны? Нох айн маль...
Там есть две-три купированных главки...
А если ксерокс?.. Жаль. Чертовски жаль.

50 Что стоит смерть? Сначала просто дата
падения Бастилии, но год
родной, сибирский. Слово ренегата
грассирует, срываясь запятой,
а разберешь по петлям, вроде Gopag...
Какой там гонор! Сунутся в тетрадь
и крикнут. (Дубельт скажет: и крестьянки
любить умеют? Модные проказы
на лоне?..) И для верности — рецепт:
на, вот возьми! Что, репка? А потомство,
потомство разберет.

Не приведи
сойтись накоротке с черновиком
его болезни. Если гений — норма,
60 он норму перебрал в 26-м,
пугали вытрезвилкой, психушкой,
потом похмелье — плаха — пистолет —
топор — Андре Шенье — нож гильотины —
тесак армейский — дырка — ключ от дверцы
его покоя. Не спирт в припадке
медитативном, он не приручал
потустороннего, но как Евгений
(не этот — тот!) казался неуместным,
шел площадью и руку прижимал...
70 А мы другие...

II

Впрочем, вот сюжет:
три брата, греки, видимо, торговцы,
островитяне... Только мочи нет —
их режут и стригут (они ж не овцы!),
и вдруг эскадра — рыжий граф Орлов
витийствует под флагом Византии...
Подумали да наломали дров,
когда в султана брандер запустили.
И тых, и пли!.. Но русские ушли,
80 а турки тут. Тут братья приуныли,
потом оставшиеся корабли
оставшимся товаром загрузили
и вслед за ветром тоже проползли
в пролив, а там без пушек, как без визы,
вот и отдали всё, что снять могли, —
с плеча кафтан, а с чудотворной — ризы.
...Прошли! И Афанасий, старший брат
из братьев Гонаропуло, царице
сумел всучить чувствительный доклад

90 об иммиграции из-за границы.
Затем назначен чем-то при дворе,
поскольку был внушительный мужчина
(кто оценил бы это при Петре?),
и вот помимо звания и чина,
взамен отеческого островка
пожалован (да подавитесь, турки!)
таким же точно, только в Петербурге,
близ Голодая, где Нева-река.

III

100 У взморья на побережье Голодая
стоял почти артиллерийский гул,
когда, в волнах балтийских пропадая,
один чиновник чуть не утонул.
...А получилось глупо: утро было
безоблачным, молочная река,
казалось, не текла, а лишь скользила
наперекор течению ветерка,
зато лучи слоились торопливо
да отраженья спицей и крестов
стекали вплоть до самого залива,
110 размножены устоями мостов.
И даже ангел был, как настоящий:
он разомкнул хрустальный этот ларь
и в плоской глубине зажег дрожащий,
волшебный, но вполне цветной фонарь,
навевший Венецию иль Ниццу
тому, кто погостил и в тех гостях,
покуда изучали мы таблицу
погоды в «Биржевых Ведомостях».
120 В июле восемьсот двадцать седьмого
отменно сухо и весьма тепло...
Вот-вот пойдут пожары...

Бестолково

российское устройство, все хреново,
а и с погодой не повезло.
...Отложим раздраженное стило
и предоставим слово очевидцу:

IV

А мне опять на квас и чечевицу,
когда бы он и вовсе там утоп?
130 Им, коли не по ним, — так за границу,
а то за саблю — да и пулю в лоб,
а нам нельзя. И барин-то не строгий,
туда, мол, я один, а ты смотри
извозчика да по кружной дороге
приедь за мной, и лодку заberi.
Мол, знаешь ли, где Греческая мыза
на Голодае?.. Ну, тогда вылазь.
...и кто же ожидал того сюрприза?
Чуть пушка бух — и буря поднялась.
А там коса, совсем гнилое место,
140 канатка, бойня, ямы для скота,
и берег там у берега, как тесто —
бонжур из-под коровьего хвоста.
А без привычки, да еще на лодке, —
накроет, как гранатой, — и готов,
когда не знать подхода, посередке
протоки, у избушки рыбаков.
Бегом до этих самых Гонаропул...
Какие рыбаки!.. А так продрог,
от страха на порог и грудью об пол
150 от страха тоже — ты живой, сынок?
А он: и я бы мог, и я бы мог...

V

Зачем они стояли в декабре,
как мальчики пылая и робея?

- Зачем тогда построились в каре
 вокруг Петра? Была ли в том идея
 восстания? Повстанец-молодец
 идет на площадь, чтоб ввязаться в драку,
 и прет на приступ: крепость ли, дворец —
 ему какая разница? — в атаку!
- 160 Стояли час. И два. И три. И пять.
 Прошли сквозь Зимний и сейчас отдали.
 Еще не поздно было начинать
 révolution. А все-таки стояли
 напротив оробевшего врага —
 чего стоят? — почти на самой кромке
 разумного. Каленая пурга
 лизала плоским пламенем поземки
 их сапоги. При чем тут Трубецкой?
 При чем тут сколько? Много или мало —
- 170 каре не атакует. Это строй
 для обороны. Пуля в генерала —
 еще не довод. Присягнул Сенат,
 и поздно, поздно... Экая дешевка
 палить в своих, когда стоит парад
 свободы или, скажем, забастовка
 военных. Так в 20-м, в октябре —
 семеновцы... А если длить примеры,
 еще при Алексее и Петре
 в своих скитах стояли староверы.
- 180 Горели, но стояли. И металл
 крестов нательных прожигал скрижали.
 Так Гефсиманский Праведник стоял,
 когда легионеры набежали.

VI

Прибрежье. Опрокинутая лодка.
 Прошедшей бури грязное белье.
 О чем он думал? Отчего неловко
 за гения домысливать свое

и возводить под крышу комментариев,
в котором все расчислено стократ
190 (а наши сны, сухие, как гербарий,
на общее посмешище торчат).
Ни дождика, ни вольного волнения
на глянцевых полях Временника...
А может, нас страшит сопоставление
с той высотой, что слишком высока?
Считать колючки на венце терновом —
скажи, зачем? А то, войдя в права,
уже остепененным пустословом
открыть, что гений — это голова...
200 Себя он строил, новый Долгорукый,
по плану, а еще стихи писал.
...неужто меж истерикой и скукой
придем, как между тех античных скал?

VII

15-го утром (что ж так душно?)
записка Соболевскому. (Ответь,
где слов занять, когда утешить нужно?)
Мать умерла у друга. Смерть как смерть,
Обычная; письмо не получилось,
но почта в полдень, надобно поспеть,
210 Сережка плох, то ангелы, то черти
ему поют. (Чертей, как есть в конверте,
согласно воле автора — в огонь.)
...Потом на площадь, где петровский конь
грызет позеленевшую уздечку,
напружился и замер: шпорой тронь —
как заводной махнет и через речку
и — по прямой — до взморья, до скалы,
где пеший Петр в безумном озарении
увидел город свой, где пенились валы,
220 и чей-то челн изнемогал в бореньи.

Но стыдно пересказывать стихи.
Стихами же — тем более негоже:
не плагиат, а не сварить ухи
из съеденной метафоры. И все же
оглянемся на площадь: вот Сенат,
он был под самой крышею украшен
Весами Правосудья. Говорят,
когда на площади стояли наши,
кто был порасторопней, из низов,
230 сюда для обозрения взобрался.
А пушки били вверх. И с тех весов
торчало человеческое мясо.
Левее — царь на финском валуне,
Исаакий монументом долгострою
(поскольку прежний был на плавуне
да так и развалился сам собою).
Ладьей на фланге знаменитый дом
Лобанова. А там свободным полем
240 назад к Сенату. И возьмем конем:
он по прямой не может, а глаголем
бьет даже крепость. Шах. И снова шах.
И не указ Плешивый и Усатый
простывшему на этих площадях,
под сквер задрапированных цитатой.
Ему-то что? Знакомые места.
А площадь даже чересчур знакома,
и там, где никакого нет моста,
он перейдет до Пушкинского Дома,
решившийся, пересечет черту,
250 и отряхнет летейское томление,
и с мужиком столкнется в порту,
и поплывет в известном направлении
под всполохи негданной грозы,
пробормотавшей орудийным басом
о том, что бутафорские весы
вновь завалили человеческим мясом.

VIII

16-го дождь не затихал
до темноты. Взамен прогулки — прочерк.
Зато он прямо с ходу записал
260 стихотворение в пятнадцать строчек.
Кто заглянул в его черновики
и в буреломе правки чертыхался.
признается: легенде вопреки
он легкостью пера не отличался.
Но потому-то гений и велик,
и в том его отличие от таланта,
что лезет к абсолюту напрямик,
не соблазняясь полушкой варианта.
270 Каким бы гладким ни казался он,
каким бы ни был крепким или броским —
как будто формулирует закон,
открытый для полета Циолковским.
А что? Видать, от века такова
нехитрая, но тайная наука
в строке аккумулировать слова
посредством чувства и посредством звука.
Степень сгорает — вот и черновик.
А варианты множат ускоренье.
...он попытался править, в этот миг
280 едва не загубив стихотворенья
весьма простого. Вот и у Шенья
в элегии почти что и об этом:
одна компания в одном челне
плывет, увлечена одним сюжетом,
вдруг — вихрь, все гибнут, воеет Аквилон
(всегдашняя реакция на бурю),
и только тот, кто спереди, — спасен,
расхлебывает не тюрьму, а тюрю.
и, разведя толикою слезы,

- 290 он примеряет впрок венец вилнойский,
поскольку обручились две грозы
одним кольцом — декабрьская с июльской.
...кто был повешен — утонуть не мог.
А он бы мог. Вчера хотя бы. Впрочем,
не утонул, но, может статься, срок
повешенья не минул, но отсрочен?
А строчки... Хорошо бы их в печать
под звездочкой сигнальной анонима.
да поглупей название сыскать,
300 и мимо Сциллы и Харибды мимо —
в набор. Но совпадение каково!
Оскаленный утес, именья грека.
еще дельфин... Откуда?.. Как его.
того поэта из VI века?
...корабль захвачен варварами, он
на берег вынесен разумным зверем...
Еще звезда такая... О-рион?
а может — А...? Ну, в словаре проверим.

IX

- Пиши да выраженья выбирай.
310 Мы не чета французам или туркам,
у нас *весьма народность*.
Николай
был, подражая бабке, драматургом.
Перебираясь в Царское Село,
на лоне незначительной природы
он громоздил завистникам назло
почти державинские обороты.
Он в людях понимал и в лошадях,
но где тот зал на сорок миллионов?
320 И он играл на римских площадях
за неимением римских стадионов.

И, распушив гвардейские усы,
и домиком остзейским сдвинув бровки,
писал себе (порой не без слезы)
что? — *всенародные инсценировки.*

На среду: взять от каждого полку
по взводу их да по две роты наших —
в одно каре (он был не глуп) — к носку
носок — и на колено. В память павших
330 читать на литургии литию
по убиенным за царя и веру —
уж если ограничился пятью,
блуди себя. Придраться к офицеру,
четвертого в шеренге наградить,
а, впрочем, лучше третьего. Тогда же
митрополиту площадь окропить,
императрице ехать в экипаже —
клин клином, — возле статуи Петра
орудья с передков, и непременно
340 всем строем троекратное «ура»
кричать в честь избавления от плена
крамолы бунта. А на вторник то,
что будет посильней, чем все премьеры,
все эти бенефисы... жаль никто
его там не увидит... для примера,
конечно бы, не худо наблюдать
и самому, но это неудобно:
у нас под петлей любят оскорблять.
С них станется. Он расписал подробно
350 куда, кому, и вслед за кем, и как,
и как прибить табличку с именами,
но тут Сперанский влез: нельзя никак
табличку! Почему же? В каждом храме
такая... Ну и что? Ах да, Пилат...
Гляди, куда каналья намекает.
Чуть увлечешься — каждый попрекает.
Тем лучше. Пусть инкогнито висят.

X

360 Что значит жизнь, когда отворена
и хлещет на булыжник, как из жерла?
Какая там заря, когда цена
за поражение — даже и не жертва,
а только унижение. При всей
возвышенности цели в перекрестных
допросах выгораживать друзей,
а прочих выдавать. И старцев постных
просить о снисхождении, потом
сознаться в преступлениях, в которых
ни сном ни духом, но стоять на том
и утверждаться в самооговорах.

370 А тот: не ведаю... не говорил...
не вовлекал... Мальчишки, аматеры,
они сойдут, но, если хватит сил,
сойдутся бородаты и матеры.
Один опять возьмет под козырек,
другой ему в ответ земным поклоном...
За что? За то, что в Общество вовлек
и этим спас, когда я был зеленым
юнцом... И, вероятно, не у них
нам спрашивать, в чем все-таки причина,

380 что минет век, и посреди живых
такая заведется бесовщина,
такие типы... Что там Николай?
Он был весьма интеллигентным немцем.
Умоемся кровищей через край.
И оботрем кровавым полотенцем.

XI

Но это после. А в 28-м
в кругу друзей поэт предал огласке
забавную историю о том,

390 как ездил черт в извозчичьей коляске.
 Московский литератор В.Титов,
 приятельских не преступая правил,
 списал ее для «Северных цветов»,
 а он благословил, но стиль поправил.
 И мы введем в четырехстопный стих
 (фраппируя переводною позой),
 то, что однажды у Карамзиных
 поэт поведал нарочитой прозой:

ХII

400 Кому случается гулять кругом Васильевского острова,
 в пути не мог не наблюдать противоречия серьезного
 меж южной стороной и той, которая нетерпеливо вда-
 ется длинною косой в дремотные ряды залива.
 По мере приближенья к ней узор украшенных камней ре-
 дует. пышные строенья сменились хижинами. Но
 и те отстали. В отдаленьи едва проставлено пятно зеленой
 рощи, а вокруг лишь пустыри да огороды и топкий, как
 болото, луг сползает в пасмурные воды. В уединеньи
 одичалом последнего из всех домов меж возвышением
 и валом волнуется заплывший ров. Что в нем? Репейник
 да крапива. И летом невеселый вид. Но еще более тоскливо,
 410 когда зима преобразит все взморье. И ледок озноба,
 и ров, и домик над скалой, укрыты саваном сугроба
 и скованы могильной мглой.

ХIII

Могильной мглой?..

Моги...

Что здесь теперь?

А ничего — промышленная зона.

Флотатора заделанная дверь,

избыток фона — дефицит озона.

- 420 Чуть сбоку — не гляди, что неказист,
раскинулся величественно-просто
краснокирпичный комбинат «Марксист»,
шорно-кожевенное производство.
И полно-те! — какая там скала,
какой там грек (еще скажите — эллин!),
Чудны твои, о, Господи, дела:
где утонул челнок — вознесся эллинг,
сиречь судостроительный сарай —
вот славного сближения образчик,
сравненье, как его ни подбирай,
430 а все впустую — заурядный *ящик*.
И тут не то что Пушкину — куда! —
Ахматовой пейзажа не узнать бы.
Прошли года и выдохлась беда.
Осталась скука да кошачьи свадьбы.
Да вот еще: клочками пустыри —
разбухшая береговая кромка,
кирпич-железо-щебень — метра три
культурный слой культурного потомка.

XIV

- 440 Конечно, император не Пилат.
Вот так и выдать мертвые тела
для погребенья родственникам? — дудки!
Своей невольник доли, либерал,
он все-таки пока в своем рассудке.
Он помнит: подпоручишко, шенок,
затеет с флигель-адъютантом драться,
под пулю сунет жиденский висок —
и поделом! — еще при жизни братца
такое было, ну а что потом?
450 Потом они потребуют собраться
на кладбище. Четыреста одних
карет. Переверни — и баррикада,

за гробом как-никак проходит цвет
 крамолы... Нет, нам этого не надо.
 Венки да речи, слезы да стишки,
 клянемся честью, мол, и всё такое —
 на, выкуси! — всех пятерых в мешки
 да в извести поблизости с рекою —
 и заровнять.

460 Ну кто виновен, кто
 знал, что в срок откроется и это,
 когда войдет в расстрелянном пальто
 ночная тень беспечного поэта
 и позовет.

И счастье, что она,
 вдова, гадая, где его могила,
 в его вину поверила сполна,
 не к жертве, а к герою приходила,
 и где другая у немой черты
 цветы сажала, место примечая,
 470 она рвала могильные цветы
 и шла сквозь город в гроздьях иван-чая.
 Вы с рынка, Анандревна? ваш букет,
 он вам к лицу, заметим по старинке,
 опять-таки поклонники? ах нет,
 мы промахнулись — все-таки на рынке?
На берегу пустынных волн. И тут
 как громом: говорил тебе когда-то,
 гляди — *во глубине сибирских руд* —
 по интонации самоцитата.

480 Кто это, муж? А, может Мандельштам?
 Гляди, гляди, аукается славно:
 на бе-ре-гу пу-стын-ных волн — а там
 во глу-би-не си-бир-ских руд? Забавно,
 к чему бы вдруг? И поздно, как во сне,
 увидеть все... О, Господи, как просто:
 на берегу, потом во глубине,

и тоже без креста и вне погоста.
...Так, значит, здесь и те? И это здесь?
И как ни холодно, как ни постыло,
490 а надо — круг за кругом — через весь...
и выжить, рассказав, что это было.
Ей в ад сойти — привычно, как в метро.
Облаяли? Такую не облаешь.
Перо не шпага — потому перо
над головой — захочешь — не сломаешь.

XV

Когда бы мы затеяли роман,
здесь непременно-звонко брызнув шпорой,
явился б лейб-драгунский капитан,
500 тот самый Гонаропуло, который
в который раз мелькает за дверьми:
чего же тянет автор, черт возьми!
Да-да, войдите. Почему бы нет?
Спешат слова на строчку нанизаться,
вплета в беллетристический сюжет
живой портрет парадного мерзавца.
Что значит служба? Служба есть талант
поймать приказ да обернуться быстро.
Он был талантлив, этот адъютант
Татищева, военного министра.
510 Шестерка, да козырная... Дружок,
вели спасти Российскую державу:
тут приготовят с мясом пирожок,
а кушать полицмейстеру Дершау.
По мне бы проще в крепости во рву,
да рядом усыпальница с царями.
Другое дело, ежели в Неву —
как говорится, в воду, и с концами...
Опять нельзя... А ежели всплывут?

520 А с якорем? А ежели случайно
подденут бреднем? — и пойдем под суд,
ведь это государственная тайна
и даже выше. Вот и разумеи,
какую нам загадку загадали:
во-первых, чтоб подальше от царей,
а во-вторых, чтоб люди не видали.

XVI

Он подавление бунта прогулял
на императорском императиве,
о чем и сообщает формуляр
ин-фолио в Лефортовском архиве,
530 привез из Таганрога без потерь
прах августейший — бац! — и новый случай:
по справочнику Аллера проверь —
не отыскать кандидатуры лучшей
в могильщики!..

Но что там из прорех
сочится меж эпитетов нелестных?
О, как легко судить сегодня тех
истории статистов бессловесных...
Да в том же формуляре посмотри:
540 ну что с того, что вышел адъютантом?
Вот ордена — их даже целых три:
две Анны, а еще Владимир с бантом —
все боевые. И зрчком в упор —
медаль за Лейпциг. Что такое знаем
про этих? Гонаропуло Егор
на ратном поле не был негодяем.
Где факел истины? Где кислый торф
навета? Все перепроверить надо.
А это кто? А это Бенкендорф
550 на фоне партизанского отряда.

А это? Это Лунин, это наш.
Поосторожней, он чужих не любит.
А этот романтический типаж?..
Как кто? Его дружок Леонтий Дубельт.
Вернемся. Что теснилось в голове?
Что жгло в груди? Что вообще известно?
Не он ли и рылеевской вдове
открыл, где это проклятое место?
560 Ведь знала же... Не этот ли Егор,
смотритель вечности в земной юдоли,
здесь поновлял некрашенный забор,
и тот прохожий не через него ли
узнал, что здесь, да, здесь! — скакун достал-
таки Евгения копытом...
Скала на займище, а проще — вал,
подмытая руина на открытом
(здесь частное владенье!) островке
(150 на 300) — это летом,
570 когда футштокский уровень в реке,
и посуху пройдешь... По эполетам
о доблести не судят. Аксельбант —
не аргумент. Споткнешься, обнаружив, —
еще драгун и тоже адъютант
не без таланта — Александр Бестужев.
Соратники!.. Ах, Сашенька, прочти
мне из Рылеева. Ты будешь в бане?
Я с вами!.. Где расходятся пути?
Ищи на плане Шуберта в спецхране.
580 Тот Шуберт — он дотошный немчура,
не зря ж дразнили перцем и сосиской
еще в кадетах... Вас открыть пора,
о Моцарт картографии российской!
Как цепко надо родину любить,
чтоб так запомнить все ее извивы...
А если с Пушкиным соединить?
Итак — забор некрашенный, две ивы.

XVII

Что стоит поиск? Если не найдешь
утрату романтических иллюзий —
любой из результатов нехорош:
вступая в жизнь, изволь ползти на пузе.
Смирив гордыню, к истине ползи
из тех пеленок байковых. Вот веник,
вот стул, вот стол... Не то в такой грязи
измажешься... А если в смысле денег —
на поиски три тысячи рублей
по безналичке, тот оброк, который,
не знаю, по которой из статей
внесен одной промышленной конторой.
Военные топографы — они
лизали крыши лазерным прибором
и привязались после всей возни
по питерским церквям да по соборам.
Потом еще бурильщики... Потом...
Мы начали, но мы не завершили —
что значит поиск? Металлист в пальто
навыворот и взрослые большие
серьезные мужи — да как же их
не помянуть во здравие? Такие
все разные — начальник очистных
с «Марксиста», и художник, и другие...
Читатель потеряет интерес
к перечисленью — экая плетенка! —
историк, журналист и экстрасенс,
и даже два советских негритенка.
Еще ИРЛИ, а также ВСЕГЕИ,
и трест ГРИИ, что в доме Бенкендорфа,
и крепость Петропавловская, и...
а что нашли? Да так — немного торфа.

XVIII

- 620 Неужто же и жизнь не удалась?
Так и сойдем, не покачнув устоев.
И только в школе волновали нас
предсмертные речения героев.
Когда взалкал поверженный атлант,
о, юность, как за ним не повторишь ты:
опричник, дай свой подлый аксельбант,
не то тебе придется вешать трижды!
Как здорово про этот аксельбант,
как вовремя!.. Лет эдак через десять
- 630 и мы в сердцах цедили вариант:
Россия! Не умеют и повесить...
У романтизма слишком яркий цвет,
да натурально ягодки большие:
на площадях 70-х лет
не вешали, но как еще душили.
Где брать героев, ведь герой — скала,
а человек не камень — протоплазма...
А там и скука села у стола,
надутая сестра энтузиазма.
- 640 Смущенною душою подытожь:
увы... и только жены — декабристки.
И правду не в учебнике прочтешь,
в одной биографической записке:
Когда они упали, я стоял
шагах в пятнадцати от эшафота
и подошел. Один из них лежал,
а он сидел, согнувшись в яме, кто-то
стонал. Торчал проломленный помост,
тут фельдшера позвали на подмогу...
- 650 Он попытался выпрямиться в рост,
но подвернул ушибленную ногу,

сел боком на бревне. Сочилась кровь
из ссадины за левою щекою,
еще не приказали вешать вновь,
он поднял взгляд и произнес: какое
несчастье... Говорил ли кто-нибудь
еще о чем-нибудь — того не знаю.
Тут вообще пошла такая жуть
и спешка, ну а мы стояли с краю.

XIX

- 660 Что значит истина? Вопрос пустой.
Он промолчит: спроси своих Сократов,
когда она стоит перед тобой,
чела не опустив и глаз не спрятав.
Так что есть истина? Вопрос простой.
Он улыбнется: это взгляд Шекспиров.
И все?.. Ну да. Но в рукописи той,
откуда мы и выбрали эпиграф
для долгой нашей повести — пока
идет сама, пойдём ли на попятный? —
- 670 так вот, в тетради есть одна строка...
найдем ее — лист 95-й,
дубль два (а самый главный пушкинист —
все тот же Дубельт, быть неблагодарным
ну как же можно, если каждый лист
пронумерован вдумчивым жандармом?).
Находим... *Длятся ночи декабря!*..
Что тут прибавишь?.. Вымарал. (Однако
строка эта окончена не зря
на всплеске восклицательного знака.)
- 680 *В опальной хижине...* И вновь обрыв —
версификационный визг форсунок
и вдруг: обломок дерева, обрыв —
ничем не примечательный рисунок...
А вот еще, на целый разворот,

где виселиц гунявый подголосок...
Но стоп. Не то и вправду разорвет
поэму эту от избытка сносок.
Грядет за юбилеем — юбилей,
но *тошно так* — так тошно и кромешно
690 в эпоху маскультурных алтарей,
ну в том числе и пушкинских, конечно.
И не спасет настольной лампы свет
от этой тьмы в кишеньи неустанном,
когда газета на излете лет
гагаринских придет с Афганистаном,
и вспучится, как сукровица квас
коричневый... Что это там погасло?
Чур, чур! Да был ли мальчик? Здесь у нас
еще с 30-х Пушкин вместо масла.

XX

700 О чем еще? Да мало ли чего
в архиве не полезет из-под спуда.
Вот николаевский регламент о
пехотной амуниции. Покуда
мы дела ждем, чего ж не посмотреть?
В дни самой первой годовщины бунта
предписано полкам гвардейским впредь
носить лишь сабли... Ерунда как будто...
Не ерунда, а очень мудрый шаг:
еще не введена казачья плетка,
710 но вместо чести и дуэльных шпаг
на брюхе полицейская «селедка».
Еще? О тех зачеркиваниях
фигурных, с удивлением отметим,
подмигивают на черновиках
в 27-м году и в 33-м.
Обыкновенный ромб, бубновый туз,
в нем слово и штриховка как-то сбоку.

как будто нервный тик, — такой конфуз
его пера — ни смысла в нем, ни проку.
720 А поутру приходишь на раскоп,
торчишь над ямой... Это ж ямы!.. Помнит
о той могиле, и не спятить чтоб,
зачеркивает слово — и хоронит.
...Теперь по всей Смоленке эти рвы.
Мы жили близко. Как-то в 41-м
забрел сюда отец. Во рвах мертвы
лежали ленинградцы... Кто-то в сером
снегу привстал... Такое увидеть
мальчишкою... Он бросился к саперу:
730 там люди!.. А и вправду исполать
тому, кому и это будет в пору.

ЭПИЛОГ

— А я скажу вам: над Россией — рок,
и если так дела пойдут и дальше...
Так вот, мы коротали вечерок
у В., у хлебосольной генеральши.
Рояль, шарады, шутки, легкий флирт —
кружили, счастьем своему не веря...
В окне душистый лавр и пряный мирт.
(Не тайная, но все-таки вечеря.)
740 Ведь прямо из окопов! Повезло.
Тут жить да жить, а не курками клацать:
тринадцатое — чертово! — число
и приглашенных (вышло так) тринадцать.
Был Пушкин Лев Сергеич, Трубецкой,
ну, словом, от майора до поэта.
И вдруг такой повеяло тоской,
когда Мишель заговорил про это:
«Пятнадцать лет, а кажется, вчера...»
Сказал и встал, и стал еще бледнее:

- 750 «За убиенных Павла и Петра,
Кондрата, Михаила и Сергея!..
Мартыш, а ты не выпьешь?» — «Я не пью
за эту сволочь». Музыка увяла,
и время растянулось, как в бою.
«А этого тебе не будет мало?..»
Девицы в обморок. Мартынов за кинжал.
А тот насмешливо: «Ты стал большим черкесом!» —
«Я сделаю, Мишель, чтоб ты молчал!»
...Он посмотрел впервые с интересом
760 (вот как сейчас я вижу их двоих,
и этот взгляд сквозь сумрак омертвелый)
и поклонился, и промолвил стих
евангельский: «Что делаешь, то делай
скорее».

1987—2000

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОСТРОВУ

Пойдем от скорбного ахматовского прозрения: Пушкин искал (и нашел!) тайную могилу казненных декабристов.

Этот гипотетический факт, не запечатленный ни в воспоминаниях современников, ни (по счастью) в документах Третьего Отделения, уже в наше время был обоснован исследованием Г.А. Невелева («Истина сильнее царя». М., 1985) и подтвержден поисковой экспедицией, работавшей на Голодае в 1987—1989 годах.

История поиска захоронения повешенных на кронверке Петропавловской крепости «внезрядников» начинается с лета 1826 года. Документально подтверждено, что вдова Рылеева знала место тайной голодаевской могилы. Не было оно секретом и для петербуржцев. Власть сама выдала свою же тайну: в первый год при могиле до холодов стояли часовые. После середины XIX века место это было затоплено Невой, утрачено и забыто. С 70-х годов начались новые поиски.

Летом 1917 г. при прокладке водопроводных труб за Смоленским кладбищем близ Голодаевского переуллка был обнаружен гроб с прахом военного первой половины XIX века. Об этом сообщил петроградский журнал «Огонек» № 23. Экспертиза показала, что эполеты и мундирные пуговицы относятся к постдекабристскому времени, а само захоронение к кладбищу самоубийц. В 1926 г. поиск был продолжен, и, хотя результатов он не дал, на Голодае было решено установить памятник. (Позднее он был перенесен в сквер у соединения Наличной улицы с Уральской, где стоит и доныне.)

Мой поиск начался с атрибуции серии голодаевских зарисовок в рабочих тетрадях Пушкина. Новые материалы, в том числе пушкинская французская запись с датой и местом могилы казненных, его же чернильный набросок топографического плана (1828 г.) и рисунок голодаевского пейзажа с указательной стрелкой, направленной на место захоронения казненных (под первыми строками «Медного всадника»), и, кроме того, сводка свидетельств современников и топографическая привязка руководителя этих похорон обер-полицмейстера Петербурга Б.Я. Княжнина, позволили локализовать на плане Ф. Шуберта (1826—1828 гг.) место захоронения Кондратия Рылеева, Павла Пестеля, Михаила Бестужева-Рюмина, Сергея Муравьева-Апостола и Петра Каховского.

Ленинградские военные топографы перенесли точку на современный план Петербурга, и было проведено бурение более чем пятидесяти скважин (по квадратной сетке со стороной ячейки в два метра). Работы проводились сотрудниками ВСЕГЕИ. Обработкой проб занимались две лаборатории МГУ и ЛГУ. На глубине около пяти метров от современной дневной поверхности было обнаружено пятно вторичного белка и аномальное превышение фона по кальцию и фосфору. Пик фосфора соответствовал его весу в телах пятых взрослых людей, а сумма кальция говорила о двух пудах извести, использованной могильщиками. После этого данные бурения были переданы в столичный ВНИИ МВД. Проанализировав описание проб, криминалисты установили наличие древнего перекопа в районе скважин № 1, 2 и 3. Во всех остальных скважинах слои грунта оказались непо потревоженными. Когда проанализировали пробы из скважин, попавших в старинную яму, в них нашли фрагменты костной ткани, покрытые слоем гашеной извести. Вывод московских криминалистов: обнаружено старинное захоронение (возможно, с применением негашеной извести).

От проведения раскопок наша экспедиция отказалась по соображениям не столько техническим (прах казненных ныне покоится на почти шестиметровой глубине, а с двух метров начинается плавун), сколько моральным.

Подлинники экспертиз были переданы в Музей истории Ленинграда, а материалы, относящиеся к Пушкину, в Пушкинский Дом. Результаты Голодаевской экспедиции опубликованы отдельной брошюрой (Андрей Чернов. Скорбный остров Гоноропуло. М., 1990).

В 1990 г. на территории судостроительного завода «Алмаз» (остров Декабристов, Уральская улица, 19) над этой братской могилой силами сотрудников и рабочих завода был установлен памятник.

В путеводителе автор указывает или номер начального стиха каждого требующего пояснений фрагмента, или номер стиха, содержащего ключевое слово.

1 — поверх пушкинских рисунков с пейзажами декабристской могилы в тетради ПД 836 (лето 1827 г.) набросан черновик стихов о том, как в борделе гуляют после работы палачи, а рядом в той же тетради рецепт от гонорен с непроставленной дозировкой. Академическое непонимание поэтического пушкинского «шифра» обернулось вульгарной сплетней.

29 — литорея — старинная система шифровки.

43 — известная в брежневской Москве дама из книжного спецраспределителя Союза писателей.

50 — французская запись «14 июля 1826 Гонар<опуло>» сделана крайне разбавленными, по сути, симпатическими чернилами в тетради ПД 838. (В этой же тетради и пушкинский автограф «Ариона».) Фамилия владельцев островка была Гунаропуло, но писалась по-разному: Гонаропуло, Гуноропуло и т. д. Во второй половине XIX века Н.А. Некрасов, как и Пушкин в свое время, писал «Гонаропуло». В первой четверти XX века на топографических планах утвердилось написание «Гоноропуло». Остров Гоноропуло входил в состав острова Голодая (так же, как сам Голодай входит в состав Васильевского острова).

71 — см. «Воспоминания М.А. Гунаропуло» («Русская старина», 1917, № 3, с. 360).

99 — дату пушкинского посещения Голодая мы установили следующим образом: под автографом «Ариона» стоит шифрованная помета «16 июля / 7» (семерка в знаменателе обозначает 1827 г.), но 15 июля в полдень после двухнедельной засухи на Петербург и впрямь обрушилась сильная гроза. В стихах 1830 г. под одним из голодаевских рисунков Пушкина читаем: «Сюда погода волновая // Заносит утлый мой челнок».

204 — письмо к С.А. Соболевскому написано утром 15 июля 1827 г.

285 — Аквилон — северный ветер. С 15 июля в то лето зарядили дожди.

325 — всенародная инсценировка — выражение из записной книжки Андрея Платонова (середина 30-х годов). Николай I сам расписывал обряд казни (13 июля 1826 г.) и церемонию «очищения» Сенатской площади (14 июля 1826 г.). Некоторые подробности этой церемонии мы заимствовали из приказа Дибича.

352 — дощечки с именами казненных на виселице в последний момент были заменены кожаными нагрудниками с надписью «Цареубийца».

386 — повесть «Уединенный домик на Васильевском острове», записанная В.Титовым со слов Пушкина, была выправлена поэтом по рукописи и опубликована в «Северных цветах на 1829». Первая ее страница (по догадке Анны Ахматовой) представляет из себя путеводитель к декабристской могиле и, очевидно, вписана в текст самим Пушкиным: «Кому случалось гулять кругом Васильевского острова, тот, без сомнения, заметил, что и т. д.». Если бы Ахматова могла видеть засекреченный при советской власти план Федора Шуберта, она сама бы указала точку, к которой приводит этот путеводитель. Пушкинский маршрут (строго по названным им приметам) выглядит так: надо идти по берегу Васильевского острова по направлению к косе, расположенной на северной его оконечности и вдающейся в залив напротив Петровского острова (т.е. идти от стрелки Васильевского мимо порта, Тучкова моста, далее через Смоленку на Голодай). На Голодае вы идете мимо огородов, которые с левой стороны замыкаются рощами. (Это рощи Смоленского кладбища). И выйдете к последней возвышенности, украшенной одним или двумя домами и несколькими деревьями. На плане Шуберта в этом месте мы опираемся в горку, на которой стоит «избушка рыбаков». За горкой — ров, а за рвом вал на берегу острова Гоноропуло (запишем этот урбоним в его позднем картографическом варианте). Вал был полуразрушен после того, как наводнение 7 ноября 1824 года смыло с «последней возвышенности» артиллерийскую батарею, запиравшую вход в Малую Неву. Дальше — взморье, «луг, топкий, как болото». (Именно здесь весной 1825 г. найдут и похоронят героя «Медного всадника».) Пушкин до скрупулезности точен: скажем, бор на противоположном берегу Петровского острова и впрямь выходит клином к Малой Неве только напротив этого места. Привязка Пушкина совпадает с привязкой Княжнина. Обер-полицмейстер сообщал, что когда он смотрел со скалы, то видел две другие, между которыми прямая линия указывала на ме-

сто могилы декабристов «в прибрежных кустах». На всем низменном побережье Голодая в 1826 г. было лишь две «скалы» — обрыв «последней возвышенности» и в трех десятках метров от нее стрелка подмытого вала на острове Гоноропуло, у которой и была вырыта инженерной командой Петропавловской крепости огромная яма. Княжнин смотрит от брандвахты Петровского острова, а с этой точки «прямая между двумя скалами» проведена самой природой. Это гребень «последней возвышенности», нисходящий долу и как бы действительно указывающий на место в двух-трех метрах южнее стрелки вала. (Подробнее см.: «Скорбный остров Гоноропуло». С. 5, 13, 14 и 16.)

440 — сравни с мемуарами начальника охраны: «Полиция отдала распоряжение не отдавать трупов родственникам. Публичные похороны не были разрешены. В полной тайне, ночью, убитые были преданы погребенью». Это не о 14 июля 1826 года. Это о 9 января 1905 г. (А. Герасимов. На лезвии с террористами. Париж. 1985, с. 27—28.)

442 — пушкинская характеристика мужа Ольги Лариной, в которой звучит анаграмма «Николай»: «уЛАН, своей невольНИК дОЛи».

444 — в Лесном парке осенью 1988 г. установлен памятник на месте дуэли члена Северного тайного общества подпоручика Константина Чернова и флигель-адъютанта Владимира Новосильцева. За три месяца до декабристского восстания семеновский подпоручик Константин Чернов стрелялся за честь сестры с флигель-адъютантом Владимиром Новосильцевым, которому мать, урожденная графиня Орлова, уже после помолвки и обручения запретила жениться на девушке не их круга. Секундантом у Чернова был Кондратий Рылеев. Оба дуэлянта после поединка скончались. Похороны Чернова стали первой в России политической манифестацией.

459 — ахматовская догадка, позже воплощенная в ее блистательной статье «Пушкин и Невское взморье», связана с поисками могилы Николая Гумилева, предпринятыми Ахматовой в начале 20-х. По первоначальной версии, расстрелянных захоронили именно на Голодае. Позже Ахматова считала, что тело Гумилева предано земле в Бернгардовке.

499 — Егор Афанасьевич Гунаропуло — сослуживец Александра Бестужева-Марлинского, петербургский сосед К.Ф. Рылеева (их дома были на Мойке рядом, хотя и по разные стороны от Синего моста), участник Отечественной войны и Заграничного похода, образованный молодой человек, знавший не-

сколько иностранных языков, адъютант главного следователя по делу декабристов военного министра А.И. Татищева. На Голодае близ острова с их именем три брата Гунаропуло владели мызой. По «Указанию жилищ...» С. Аллера за 1822 г. братья Гунаропуло — единственные дворяне-землевладельцы на всем Голодае, и совершенно невозможно представить, чтобы без их участия тела казненных были захоронены на их земле. Опыт в государственных «могильных» делах у Е.А. Гунаропуло был: в конце 1825 г. он сопровождал из Таганрога тело Александра I. В конце 1827 г. Егор Гунаропуло уходит в отставку, и след его теряется. Брат Егора — Феоппт был до 1822 г. одним из известнейших в России масонов, хорошо знал Рылеева, Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола. О своей встрече с Феопптом утром 14 декабря вспоминает на следствии Сергей Трубешкой: Гунаропуло был потрясен случившимся, повторял «Беда! Какая беда!», а потом отправился на Сенатскую площадь смотреть, как развиваются события. Третий брат — Афанасий Афанасьевич в 1834 г. представлялся царю в качестве нового белостокского губернатора. На приеме Николай сказал, что назначает его не потому, «что он знаком с ним» (то есть не за какую-то оказанную ему, Николаю, услугу), а «по представлению князя Долгорукого» («Русская старина», 1878, № 7, с. 418). Закончил царь ту аудиенцию весьма примечательным пассажем с реминисценцией из фальконетовского памятника: «Поляк — всегда поляк!.. Он будет виться у ног твоих, будет лизать их, пока не доберется до шеи, а там задушит тебя!»

513 — Дершау — полковник, василеостровский полицмейстер, которому обер-полицмейстер перепоручил хоронить казненных.

544 — поэтическая вольность: Е.А. Гунаропуло участвовал в сражении под Дрезденом.

569 — кронштадтский футшток — нулевая отметка уровня Мирового океана, специальный прибор, установленный в Кронштадте Петром I. От уровня кронштадтского футштока и сегодня отсчитываются все высоты России.

578 — на Голодае генерал-майор Федор Шуберт работал как раз в 1826—1827 гг. Именно план Шуберта, на основе которого сделаны и современные точные планы Петербурга, позволил с точностью до метра определить место декабристской могилы и обнаружить ее.

643 — см. заметку «Со слов присутствующего по службе при казни» в ПСС К.Ф. Рылеева (М., 1907, т. 2, с. 19).

616 — ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), Всесоюзный институт геологических исследований, Ленинградский трест геологических разысканий.

670 — в тетради ПД 838 на листе 95/2 под строкой «Длятся ночи декабря» стоит восклицательный знак. Таков эмоциональный самокомментарий Пушкина ко второму, политическому, смыслу этого стиха. Ниже на листе — самый подробный из всех голодаевских пейзажей Пушкина: ров и вал на острове Гоноропуло, «последняя возвышенность» с покосившейся «избушкой рыбаков», дорога и т.д. Две экспертизы, сделанные независимо друг от друга архитектором П.С. Прохоровым и академиком Б.В. Раушенбахом, подтвердили идентичность этого рисунка и голодаевского пейзажа (по плану Ф. Шуберта). Но совпадают не только детали местности и их пропорции. Некоторые «летучие черты» пушкинского рисунка становятся понятны только при сопоставлении с планом. Вот, например, гать. Она у Пушкина даже не нарисована, а лишь намечена несколькими штрихами. А вот бревно, перекинутое через ручей в самом узком его месте (иначе, как через него, на остров Гоноропуло не попадешь). На плане середины XIX века видно, что именно там, где Пушкин нарисовал это бревно, будет устроен мостик. Словом, можно утверждать, что второго такого пейзажа на всей нашей планете просто не было.

700 — «...во всех Гвардейских пехотных полках вместо шпаг, ныне употребляемых, носить пехотные сабли». (Приказ по гвардии от 12 декабря 1826 г.) Этим приказом Николай I упразднил не шпагу, а символ дворянской чести.

712 — ранее эти графические знаки никак не объяснялись исследователями.

724 — речка Смоленка, отделяющая Голодай от Васильевского, до XX века звалась Черной. В блокаду рвы для братских захоронений умерших от голода прокладывались серий взрывов. Позже значительная часть этих могил была застроена жилыми домами.

732 — ссора Лермонтова и Мартынова произошла в доме у генеральши Верзилиной 13 июля 1841 г., то есть в пятнадцатую годовщину казни декабристов.



В КНИГЕ:

ГОРОДСКИЕ ПОРТРЕТЫ

1972—1981

«От того, сколько ты простоишь у окна...»	7
Старинная гравюра	8
«Вот лежит он из-за лишней крошки...»	9
«Наши бедные матери...»	10
«Все грядущие печали...»	11
Колокольчик с Бонапартом	12
Картотека Пушкинского Дома	13
Танцы в Тарусе	14
«Тамбурным не увлекайся мужским разговором...»	15
Безбожный переулочек	16
Атланты	17
Тарусские яблоки. <i>Заговор</i>	19
«...И семя свое разбросав по земле...»	24

ОТТИСК

1979—1984

Угловой переулочек	25
«Всего-то уютно...»	26
«С популярного издания...»	27
«Еще ты и не называлась женой...»	28
«В виде света разной густоты...»	29
Приступ	30
«Вселенных черные икринки...»	31
«Серый, розовый, лиловый...»	32

Резчиков переулоч	33
«Вылепился — доверяйся же обжигу...»	34
Питерские строфы	35
Голодай	39
«В питерском профессорском семействе...»	40
Ходасевич	41
Авиатор	42
Вырий	44
«Страшно снежинке лететь на ладонь...»	45
Из Альбома	
Пашка	46
Нина	47
«Скверик против шахматного клуба...»	48
Вырская станция	49

ДРУГОЕ ТЕПЛО

1983—1989

«Эта слабая тень в слишком позднем окне...»	55
«Машинист и сам не знает...»	56
«И сердце тобой захлебнется, едва...»	57
«Вёдро. Пустое ведро опрокинуто навзничь...»	58
«Зачем мне этот ключ от дома...»	59
«Веточка вены на левом виске...»	60
«Можно ли и пожелать такого...»	61
«И снова гарью к потолку...»	62
Радищев	63
Парад в восьмидесятом	64
«Не глотнувшие духа и страха того...»	65
«Гиря до полу дошла...»	66
«Перепели песни и во тьму...»	67
«Прагматики, железные мужи...»	68
Распутица	69
«От нервического тика...»	71
Зал ожидания	72
Градостроитель	73
Владимирская	75
«Едва повернет от Успения к Покрову...»	76

«Цветных теней земные имена...»	77
«Когда уйдут и эти...»	78
«Соловиного пенья, что сора в прозябшей низине...»	80
«Проси у вечернего неба...»	81
«Монашествующий в миру...»	82
Белая поэма	83

СПб, или НЕЖИЛОЙ ФОНД

1987—1997

«...И трижды отступился ученик...»	87
«Этому городу будут сродни...»	88
«Не город — созрелая полость...»	89
«Вощеную шеколду опрокинув...»	90
«Бледный, болотно-озерный модерн...»	91
«Обласкан и поставлен на довольствие...»	92
Морская, 47	93
«Господин капитан бомбардирский, косичка торчком...»	95
«И эти пятна по воде...»	96
Руны брату	97

Три стихотворения Завену Аршакуни

I «Поперхнешься воздухом пушистым...»	98
II «Особенно когда зеленого в избытке...»	99
III «Портрет жены художника...»	100
10 февраля	101
«Законы были справедливы...»	102
«Лютеранке в православном храме...»	103

Из Альбома

Парижанка	104
Прогулка по Невскому с Валентином Берестовым	105
«В соединеньи неба и дольней вонии...»	106
На смерть младенца	107
S.-Pb	108
Витамин «С»	109
«Пока струились вертикали...»	111
«Ни берега, ни паруса, ни облака...»	112
«Море схлынуло. Куда ж еще нам...»	113
Серебряное сечение	114

СТИХИ К ОЛЬГЕ

май 2000

«Ничего еще не решено...»	115
«А ты — письмо из юности моей...»	116
«Опереться о воздух локтями...»	117
Белое дело	118
Северяк	119
Декабрист	122
«Только и успело, что начаться...»	123
«Паришь ангелочком фарфоровым...»	124

ГАРДАРИКА

1995—1997

«Когда на волховских низинах...»	126
Стансы Гардарике	127
«Каменное прясло на приспе...»	129
«Двенадцати веков вороньи ризы...»	131

Елисава и змей

I «Лет через тыщу брести у реки...»	132
II «Что нам сегодня намоеет река...»	133
Прорицание Орвару Одду	134
Амулет	135
Победише	136
Мечь Ольги	137
Урочище Плакун	138
«Альдейгия — страна невелика...»	139
Руны сыну	140

Монолог змея со скалы Медного всадника	141
--	-----

ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ. Поэма	142
---	-----

Путеводитель по острову	165
--	-----

Андрей Юрьевич ЧЕРНОВ

НЕЖИЛОЙ ФОНД

Андрей Чернов родился в Ленинграде в 1953 году. Живет в Петербурге и в Москве. В настоящее время работает в отделе культуры «Новой газеты». Две книжки его стихов вышли в Москве («Городские портреты», 1980 и «Оттиск», 1984), одна в парижском издательстве «Синтаксис» («СПб, или Нежилой фонд») и одна в Петербурге («Гардарика», 1997). Автор исследований в области культурологии и русской истории, переводчик и комментатор «Слова о полку Игореве», автор реконструкции X главы «Евгения Онегина» (Иркутск, 1999).

Редактор Олег Хлебников

Художественный редактор Александр Анно

Корректоры: Татьяна Калинина, Наталия Пушина, Лидия Чернова

Компьютерная верстка: Александр Перевозов

Книга издана в авторской редакции

ЛР № 062750 от 18 июля 1998 г.

Издательство «Изограф»

Москва, 3-й проезд Марьиной Роши, 40

Тел./факс 289-04-54

Отдел реализации: 3-й Павелецкий проезд, д. 9, стр. 1

Тел. 235-07-31, факс 235-02-37

e-mail: IZOGRAF@TSR.RU

ISBN 5-87113-093-3



9 785871 130933